

**КСЕНИЯ
КОМАЛ**

**МОЯ ОЖИВШАЯ
ТЕНЬ**

Ксения Комал

Моя ожившая тень

«Издательские решения»

Комал К.

Моя ожившая тень / К. Комал — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-518659-1

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** Вечная неудачница Стася никак не может наладить свою жизнь и винит в этом давнюю трагедию: двадцать лет назад её старший брат бесследно исчез. В ту же ночь в городе было совершено жестокое, похоже, ритуальное убийство, а в наши дни преступление повторяется почти точь-в-точь. Правда, в этот раз жертва — юная девчонка — остаётся в живых, но её друг ведёт себя очень странно и всё отчётливее напоминает Стасе пропавшего брата...

ISBN 978-5-00-518659-1

© Комал К.
© Издательские решения

Моя ожившая тень

Ксения Комал

Корректор Юрий Кудряшов

© Ксения Комал, 2020

ISBN 978-5-0051-8659-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Встреча выпускников запомнилась тоской, слезами и тонной декоративной косметики, оставившей следы на посуде, скатерти и даже белоснежных занавесках. Стася и раньше не любила подобные мероприятия, но вечер, организованный родной школой, превзошёл все ожидания и уверенно закрепился на верхней строчке списка «что нельзя повторять ни при каких обстоятельствах». Список девушка составила ещё в старших классах, и, хотя с годами приоритеты не раз менялись, старинные стены альма-матер стабильно в нём фигурировали.

Сейчас, сидя в небольшой кофейне, где не оказалось других полуночных посетителей, Стася не могла понять, отчего вообще решила посетить дурацкий вечер, и, методично отковыривая стразы от тёмно-вишнёвого платья, предавалась невесёлым мыслям относительно своего прошлого, будущего и, что самое печальное, настоящего. Экран телефона беспокойно мигал, информируя о всё новых звонках от родителей. За окном горел тусклый фонарь, свет которого падал на маленький деревянный столик. Юноша за барной стойкой откровенно зевал, с недовольством поглядывая на единственную клиентку.

– Вы круглосуточно работаете, – угрюмо напомнила Стася, для верности ткнув пальцем в сторону таблички с расписанием. – Радовались бы, что я вас развлекаю...

– Р-развлекаете? – Парень слегка заикался, но явно этого не стыдился. – По-моему, вы не совсем улавливаете значение этого слова.

– Главное, чтобы вы улавливали значение фразы «дайте жалобную книгу», – скривилась девушка. – Тащите ещё две булочки и сотрите с лица неприязненное выражение.

– Н-на вашем месте я бы этого не делал... – Он окинул выразительным взглядом её фигуру, но еду всё же принёс. – Дайте угадаю: встречались с бывшими одноклассниками и поняли, что здорово им проигрываете? Вы не переживайте, у меня сейчас полно таких посетителей – школ в районе до фига, выпускной везде был в одно время, вот и начинается...

– Что начинается? – машинально спросила Стася, хотя следовало вернуться к варианту с жалобной книгой.

– Ноют, пьют, опять ноют... Причём такое ощущение, что беда ещё никого не миновала. Мне даже интересно, существуют ли люди, которые после этих встреч находятся в приподнятом настроении. Спрашивается, зачем надо было идти, если в себе не уверены...

– Родители заставили, – буркнула девушка.

– С-сколько вам лет? – обидно удивился юнец, и Стася предпочла сосредоточиться на булочке. – Н-нет, серьёзно, как родители могут заставить, если...

– О шантаже, угрозах и кровавых семейных драмах ты, конечно, не слышал?

Она бросила на стол пару купюр, взяла с тарелки оставшуюся булку и направилась к выходу. Парень успел крикнуть вдогонку, что совсем не прочь послушать, однако Стася демонстративно хлопнула дверью и, с наслаждением втянув прохладный ночной воздух, побрела по пустынным улицам сама не зная куда.

* * *

– Как прошло? – Мать суетливо выставляла на стол разносолы, то и дело бросая напряжённые взгляды на Стасю и почему-то на селёдку под шубой. – Девочек видела?

– Видела.

– Они изменились?

– Нет.

– Совсем?

– Совсем, – подтвердила девушка, решив не рассказывать о том, что последние десять лет проехали по её одноклассникам безжалостным катком.

– А мальчики?

– Тоже.

– А...

– Учителя такие же, как раньше.

– И даже...

– Любовь Дмитриевна в полном порядке, преподаёт у младшекласников, что в её восемьдесят семь немного странно.

– Подвиг, – радостно покивала мать.

– Подвиг – это держать себя в руках и не глумиться над старушкой, когда тебе девять, а она всё равно ничего не слышит, – буркнула Стася и тут же устыдилась. – Нормально посидели: вспоминали, рыдали, хвастались достижениями... Короче, больше я на это сборище ни ногой...

– Милая, однажды тебе тоже будет чем похвастаться, вот увидишь...

– Твои материнские мечты не выдерживают никакой критики.

– Всё лучше, чем мечты твоего отца. – Женщина опасливо покосилась на полки, уставленные спортивными наградами, и безразлично спросила: – Колено ещё болит?

– Нет, – соврала Стася, моментально почувствовав, как заныл сустав.

Профессиональный спорт многим даётся нелегко, а когда он внезапно заканчивается перед заветной Олимпиадой, сохранить самообладание совсем уж непросто. Вот только Стася, получив серьёзную травму, испытала настоящее облегчение и, вопреки мнению знакомых, не убивалась по потерянным годам и несбывшимся надеждам, а тихо радовалась возможности не соблюдать режим, не мучиться на тренировках и не считать калории. Причём последнее было едва ли не самым приятным – распробовав нормальную человеческую пищу, девушка настолько вошла во вкус, что предавалась греху чревоугодия при каждом удобном и неудобном случае.

– А ты похорошела, – сказала мать, что следовало считать вежливо-ненавязчивой попыткой намекнуть на лишний вес.

Стася и сама прекрасно знала, что поправилась, но это её совершенно не напрягло: в кои-то веки фигура приобрела женственные очертания, волосы стали немного длиннее, а посторонние люди больше не принимали её за мальчишку-подростка. В целом в жизни наконец наметились позитивные перемены. Иногда девушка даже начинала верить в светлое будущее, однако родители упорно тащили её назад, в уныло-депрессивные времена, и сопротивление давалось очень тяжело.

– Я работу ищу, – после долгой паузы проинформировала Стася. – Может, тренером возьмут.

– Милая, ты же знаешь, что твой отец...

– Хотел видеть меня на пьедестале, а не в крошечной камерке наблюдающей, как мои мечты сбываются у других, – заученно буркнула девушка. – Простите, что подвела, не оправдала потраченных усилий и вообще – позор семьи. Я пойду, заверни мне селёдку с собой.

– Станислава, ты несносна.

– Взаимно.

В дверях она столкнулась с отцом – крепким усатым мужчиной, чьё лицо уже давно обрамила седина – и, выпалив что-то приветственное, поспешила удалиться. Родитель обладал чересчур жёстким, требовательным характером. В детстве Стася искренне его боялась и старалась беспрекословно подчиняться, поэтому покорно отправилась в спортивную секцию, хотя на самом деле мечтала заниматься музыкой, и много лет расшибалась в лепёшку, приводя тренера в неопикуемый восторг. При мысли о том, что может послушаться отца, девушка всегда покрывалась испариной и лишь с возрастом поняла, что давно следовало ограничить его необъяснимую власть над семьёй. По крайней мере, в отношении её будущего.

Сделать это оказалось не так просто, как хотелось бы, однако Станислава упорно гнула свою линию, правда изредка давая слабину и возвращаясь к амплу милой, скромной барышни, которая совершенно не умеет перечить родителям. Встреча выпускников стала ещё одним напоминанием о необходимости максимально отдалиться от отца или, на худой конец, пропускать его требования мимо ушей.

– Стася?

Девушка притормозила и недоумённо уставилась на высокого светловолосого мужчину, который стремительно к ней приближался, всем своим видом демонстрируя подозрительное дружелюбие. Лицо его знакомым не показалось, желание пообщаться было сильно некстати. Решив прикинуться глухой, Станислава отвернулась и быстрым шагом двинула к перекрёстку, однако источающий восторги тип находился в неплохой физической форме.

– Куда ты так бежишь? Не узнала?

– Э-мм... Конечно узнала! Сколько лет, сколько...

– И сколько? – усмехнулся мужчина, явно наслаждаясь её замешательством. Выглядел он на удивление прилично – таких в окружении Стаси было мало, и девушка окончательно смутилась.

– Много, – пробурчала она, мысленно призывая незнакомца обидеться и убраться восвояси.

– Как-то это расплывчато...

– Сам скажи, – разозлилась Станислава. – Мы не на телевикторине.

– Один.

– Что – один?

– День, – совсем развеселился мужчина. – Точнее, даже меньше. Неужели я такой незапоминающийся?

Поскольку вариантов было немного, девушка подумала о злополучном школьном мероприятии и, к своему ужасу, распознала в блондине нечто невнятное и не слишком трезвое, зато отчего-то твёрдо уверенное в собственной привлекательности. Вёл он себя отвратительно и даже вынудил Стасю приличную часть вечера проторчать во внутреннем двореке, где, благодаря зарослям какого-то пышного кустарника, можно было прятаться довольно долго.

– Так это ты?.. – Образ стильного ухоженного человека совсем не вязался с тем, что она видела накануне, и девушка испытывала некоторые сомнения. – Мы что, учились в одном классе?

– В параллельных. Иван Вольтов.

– Первый раз слышу. – Необходимость соблюдать приличия испарилась вместе с вежливо-нейтральным отношением, уступив место лёгкой брезгливости и желанию поскорее избавиться от навязчивого поклонника. – Ты что-то путаешь.

– Ты не забыла бы меня, если бы чуть чаще посещала школу, – нисколько не обиделся Иван.

– Я пропадала на тренировках. И потом, ты меня не забыл почему-то.

– А как забудешь, когда твоими фотографиями все стенгазеты пестрели? Если хотела сохранить инкогнито, надо было на соревнования паранджу надевать.

– Это всё в прошлом, – кисло сообщила Стася, сообразив, что перед ней фанат, мечтающий погреться возле чужой славы. Порой на её жизненном пути попадались подобные экземпляры, и по опыту девушка знала, что отделаться от них крайне непросто.

– Так ты мне уже рассказывала.

– Когда? – по-настоящему изумилась Станислава, лихорадочно вспоминая прошлый вечер. Пить точно следовало меньше, но всё же она соблюдала меру, и шампанское вряд ли привело к амнезии. Да и с чего ей откровенничать с каким-то недалёким...

– Три года назад, когда из спорта ушла. – Налюбовавшись её опешившим лицом, Иван благородно уточнил: – Я психолог, ты приходила ко мне на консультацию. Естественно, я должен был выяснить, в чём дело, узнать подробности твоей жизни, отношений в семье и всё такое... Судя по тому что на повторный приём ты не явилась, наш разговор оказался полезным.

– Или наоборот, – огрызнулась девушка, на этот раз действительно его вспомнив.

За психологической помощью она обращалась лишь однажды, по настоянию всё того же отца, волновавшегося за её здоровье. Незабвенный родитель отчего-то был уверен, что, покинув большой спорт, дочь непременно обзаведётся вредной зависимостью, пойдёт по наклонной и окажется на кладбище, а потому предпринимал срочные и, как он считал, действенные меры. Вопреки его тревогам, Стася была очень далека от душевного раздора, однако решила, что беседа со специалистом поможет определиться с вариантами развития, придаст ей нужное направление, обеспечит пути отхода, когда отец в очередной раз что-нибудь учудит...

То ли Иван относился к работе с неестественным рвением, то ли у девушки было больше проблем, чем ей казалось, но на приёме она охотно поведала о своих несчастьях, начиная с раннего детства, и в результате сама же устыдилась. Не то чтобы психолог откровенно её осуждал или критиковал, однако он ясно дал понять, что нытиков мало кто любит и вообще пора научиться справляться с тем, что не нравится, а не обвинять родителей во всех неудачах и разочарованиях. Доля истины в его словах определённо присутствовала, оттого повторный приём так и не состоялся.

– Напрасно ты тогда не пришла, я разработал целую программу, которая...

– Могла бы довести до суицида человека с менее крепкими нервами, – отчеканила Стася. – Ты профнепригоден, перестань издеваться над людьми и займись чем-нибудь полезным.

– Например?

– На рынке пирожками торгуй.

– Повар из меня так себе.

– Уверена, лучше, чем психолог. – Она хотела уйти, но не удержалась и добавила: – Судя по состоянию, в котором ты был вчера, жизнь великого мозгоправа дала нехилую трещину. Со своими тараканами разобраться не можешь, а всё туда же...

Станислава бодрым шагом направилась вниз по улице (совсем не в ту сторону, куда собиралась, но так было эффективнее) и, выцепив взглядом знакомую многоэтажку, притормозила. Вряд ли Наташка сейчас дома, хотя после вчерашнего вечера...

Натали Петрова (именно Натали, на иностранный манер) была лучшей подругой Стаси и по совместительству наиболее упёртой конкуренткой в борьбе за медали. Девочки росли в одной спортшколе, занимались у одного тренера и подавали одинаковые надежды. Долгое время они относились друг к другу с лёгкой ненавистью, но потом выяснилось, что обе вынужденно подчиняются деспотичным родителям (мать Натали активно стремилась в мэры городка и старалась сделать из дочери своё подобие), и общая беда их несколько примирила. Вскоре Петрова ушла из спорта и отправилась за границу получать образование, а когда вернулась, уже и Стася не претендовала на призовые места. Постепенно девушки нашли точки соприкос-

новения и время от времени встречались, чтобы перемыть кости родителям или обсудить бывших коллег, чьи судьбы сложились более удачно.

На пороге Натали показалась после седьмого звонка и вид имела крайне безрадостный. Ничего не спросив, она пропустила Стасю в квартиру, захлопнула дверь и растянулась на низеньком диванчике – прикрыв глаза и опустив ладонь на лицо.

– Надо меньше пить, – резюмировала гостя, усаживаясь в кресло. – Ты даже на работу не ходила?

– К чёрту работу, к чёрту мать, к чёрту её очередную кампанию... – привычно завела Натали и вдруг осеклась. – А с тобой-то что? Где скорбь и уныние после общения с отцом?

– Как оказалось, в мире есть и более неприятные мужики. Ты помнишь Ивана Вольтова? Подруга села, недовольно поморщилась и, не поднимаясь с диванчика, потянулась, чтобы задёрнуть штору, хотя в комнате и так было очень сумрачно, даже не верилось, что за окном шумит радостный июнь.

– Помню. – Она безразлично пожала плечами. – Белобрысый, симпатичный, во всех играх был заводилой. Мы мало общались по понятным причинам. А что?

– Встретила сегодня. И, кажется, вчера.

– Только не говори, что запала, – усмехнулась Натали. – По нему ещё в школе все девки сохли, а сейчас и подавно.

– Откуда знаешь?

– Матушка, – коротко ответила подруга, будто это всё объясняло. Сообразив, что от неё требуются подробности, Натали достала из-под дивана ополовиненную бутылку вина, приложила её к виску и, мучительно растягивая слова, продолжила: – Он открыл какой-то крутой центр помощи, сотрудничает с государственными учреждениями, у наших на слуху. Судя по тому, что о нём говорят, Вольтов зашибает неплохие деньги, а вкуче с его внешностью это должно давать вполне предсказуемый результат, так что...

– Про девок я поняла, но на чём он зарабатывает? Вроде сфера не особо благодатная.

– Ну, клиенты-то разные. Кто-то может заплатить и платит, кто-то жену в психушку упекает, кто-то сына-подростка отмазывает...

– В каком смысле? – не поняла Стася. – Это что-то незаконное? Ведь если лечение...

– Была одна история, – поморщилась Натали. – Не знаю, правда или нет, но слухи упорно ходят, а Вольтов, кажется, даже не отрицает. Маман им восхищается. По-моему, почти побаивается. Говорит, чтобы я брала пример и так же...

– Что за история? – перебила девушка, пока подруга не села на своего любимого конька.

– Есть у нас одна важная персона. Чем занимается, непонятно: по полгода на островах, в остальное время в городе гульбанит. Вроде как учредитель серьёзного фонда, только что за фонд – никто не знает.

– Криминальный авторитет?

– Из бывших, и особо этого не скрывает. Но сынульку мечтает видеть крепким столпом общества – времена сейчас такие, что на легальной государственной службе можно...

– Я поняла, род деятельности тот же, просто немного с другой стороны. Сын не тянет?

– Ну, как сказать... – Натали усмехнулась и, выудив из-под диванной подушки ноутбук, быстро застучала пальцами по клавиатуре. – Вот, полюбуйся его подвигами.

На нечётком снимке Стася увидела улыбающегося, явно уверенного в себе парня с идеальными чертами лица и холодными, почти ледяными глазами. Ниже шла статья, в которой журналистка пела юноше дифирамбы, расхваливая его успехи в учёбе, спорте и редкое для молодёжи стремление к благотворительности. Очевидно, папа не терял времени даром.

– Это что, районная газета? Та самая, в которой смешные зарплаты и не слишком профессиональные кадры?

– Твой намёк мне ясен, но о нашем герое пишут и многие другие. В общем, суть в том, что из него пытаются сделать идола для нового поколения и тёмные пятна в блестящей биографии весьма некстати.

– Какие там пятна? Что пацан к психологу обращался? Это же не венеролог, в конце концов.

– Психиатр. – Натали отхлебнула из бутылки, поморщилась и гостеприимно протянула угощение Стасе. – Не будешь? Ну как знаешь.

– Выходит, в центре Вольтова делают что-то вроде фальшивых психиатрических экспертиз? Или как это правильно называется? Выдают ненормальных граждан за вполне обычных и наоборот...

– Ладно бы просто ненормальных, а то ведь речь о тех, кто реально опасен. – Подруга неприязненно покосилась на фото юноши и захлопнула ноутбук. – Говорят, он с раннего детства животных мучил, потом на сверстников переключился, и в результате...

– Убил кого-нибудь?

– Нет, не убил. Хотя я, конечно, могу и не знать... Помнишь, в том году случилась мерзкая история с ритуальным изнасилованием? Весь город в ужасе был.

Стася помнила. Еле живую девчонку обнаружили возле её дома, полиция тогда опрашивала соседей и к ней тоже пару раз заходила. Преступники не были найдены, хотя следователь должен был действительно стараться – для спокойного тихого города такая трагедия была чем-то из ряда вон, и с ответственных лиц наверняка требовали по полной.

Девушка воскресила в памяти тревожное хмурое утро, когда в их дворе рябило от мигалок, и невольно поёжилась.

– Хочешь сказать, что состоятельный папа с помощью Вольтова отмазал сыночка-садиста? Сей добрый юнец – настоящий психопат? Или просто испорчен деньгами и не самой приятной наследственностью?

– Хочу сказать, что от сего юнца надо держаться подальше. Естественно, если ты не планируешь закончить дни в какой-нибудь выгребной яме с отрубленными ногами.

– Почему обязательно ногами? – вздрогнула Стася.

– Это для яркости образа. Не вздумай соваться к святому семейству.

– Ладно. Но адрес всё-таки дай.

– Зачем? – простонала Натали. – Займись наконец чем-нибудь интересным, работу найди или мужика. Нельзя до старости быть занозой в чужой заднице, это неэстетично.

– Затем, что я могу набрести на их дом совершенно случайно. А так буду знать, куда не надо ходить.

– Ага, очень убедительно.

Подруга, постанывая, поднялась с дивана, долго копалась в каких-то бумагах, кучей сваленных на столе, и через некоторое время снабдила Стасю нужными данными. На прощание она вежливо проводила гостью до двери, что было сродни подвигу, обняла и с грустью сказала:

– Знаю, что отговаривать бесполезно, поэтому просто по-человечески прошу...

– Постараюсь не приближаться к выгребным ямам, – искренне пообещала Стася, быстрым шагом направляясь вниз по лестнице.

Через пару кварталов она заметила симпатичную лавочку возле куста черноплодки и, устроившись на ней, попыталась собраться с мыслями. Никакого желания вступить в контакт с малолетним психопатом и теми, кто его покрывает, разумеется, не было, просто уж очень это изнасилование походило на одну давнюю историю... Вернее, Станислава не могла точно знать, походило или нет, ведь всё случилось ещё до её рождения, но, судя по тому, что ей рассказывали, у двух весьма отдалённых по времени трагедий обнаруживалось немало общего. В прошлом году девушка потратила несколько месяцев на поиски виновных, однако не продвинулась ни на шаг и, когда следователь вежливо попросил её не лезть куда не надо, была вынуждена

приостановить активную деятельность. Теперь у неё появилось имя вероятного преступника, а это уже что-то... Правда, в силу возраста к тому давнему интересующему её случаю парень иметь отношения не может, но у него есть родитель, который не слишком чтит закон и неизвестно чем занимался в начале криминальной карьеры. Хотя чем сейчас занимается, тоже неизвестно. Всё-таки надо быть предельно осторожной и не нарываться на реальную опасность – не стоит оно того.

Немного поразмышляв на тему скоротечности и несправедливости жизни, Стася поднялась и безрадостно побрела в сторону автобусной остановки. Обитала будущая звезда криминальных хроник в пригороде, где девушка очень не любила бывать.

* * *

– Здорово, Стас. Какими судьбами?

– Гуляю, – буркнула она, делая вид, что невероятно торопится.

Однако на стройную ухоженную блондинку её намёки не произвели никакого впечатления, и через минуту прекрасное создание выбежало на улицу, пронизывая местность ароматом дорогого, но не слишком приятного парфюма.

– В наших краях? Никогда тебя здесь не видела.

«Рожей не вышла», – едва не ответила Стася, но вместо этого только пожала плечами.

– Дом присматриваешь?

– Вроде того, – совсем сникла девушка, с печалью подумав о стоимости элитной недвижимости.

Именно сюда, получив после Олимпиады материальную благодарность от губернатора и полностью себя обеспечив, переехали некоторые её знакомые. Да, она тоже могла бы, и любящий отец неустанно об этом напоминал.

– У нас сейчас ничего не продаётся, но возле ручья строят новый квартал, так там...

– Ладно, подожду, пока достроят.

Лицезреть довольную жизнью Дашку Терентьеву было не слишком приятно. Так вышло, что именно она всегда оставалась позади своих более успешных соперниц и именно она в итоге их обскакала, взяв бронзу на самом главном мировом событии и заарканив хоккейную легенду. Легенда выглядела счастливой лишь первые несколько месяцев после свадьбы, затем резко начала колесить по другим странам и дома почти не появлялась, что делало Дашку совсем уж везучей. По крайней мере, так считала Натали, а ей в подобных вопросах можно было верить.

– Ты, случайно, не знакома с Черновым? На соседней улице живёт, вы наверняка встречались.

– Дружила с его женой, – кивнула Дашка, и на мгновение Стасе показалось, что давняя соперница помрачнела. Для вечно весёлой, жизнерадостной девицы, на чьём лице даже после обидных поражений не появлялось слёз, это было нетипично.

– Поссорились?

– Да нет, почему же... До последнего дня дружили... – Терентьева стала совсем сумрачной и серьёзно предложила: – Зайдёшь?

Стася кивнула, поскольку было интересно посмотреть, как живут выдающиеся спортсменки, и вскоре оказалась среди роскошных дворцовых интерьеров, сияющих блеском, дороговизной и почему-то одиночеством. Вышколенная прислуга бесшумно жалась по углам, лишь изредка напоминая о своём существовании робкими дёргающимися тенями, панорамные окна приносили в помещения летние солнечные лучи, которые тут же теряли тепло, высоченные потолки давили с невероятной силой. Возможно, именно об этом мечтала Дашка, но она, Стася, точно предпочитает родную уютную квартирку с видом на закат. И никакой отец не убедит её в другом.

– Зина с собой покончила, – осушив чашку чая, сообщила Терентьева. – Повесилась. На ровном месте, безо всяких причин...

– Так не бывает.

– Ну, может, была какая-то депрессия, только я не замечала. И никто не замечал.

– Это нормально, ни к чему себя ви...

– Но я виновата! Виновата! Она была моей лучшей подругой. Как я умудрилась пропустить, ничего не сделать...

– Так же, как и тысячи людей в подобной ситуации. Если кто и должен чувствовать себя виновным, то это её муж, – закинула удочку Стася, мысленно прося прощения у родителей, которых подводит отсутствием элементарного сострадания. Но дело важнее, успокоить Дашку можно и потом, тем более что долго грустить она всё равно не умеет.

– Он работает много, – буркнула Терентьева. – Не до семьи особо. Да и сын проблемный, все мысли о нём.

– А что с сыном? – чересчур искренне удивилась девушка. – Вроде хороший парень, в газетах пишут, что...

– Конечно, кто станет писать, что в нашем благополучном посёлке живёт начинающий маньяк?

– Тот, кому небезразлично будущее вашего благополучного посёлка, – наугад предположила Стася. – А почему маньяк?

– Почему – не знаю, но тебя же интересует, в чём это выражается? Ты чего пришла-то? На самом деле, без отмазок для доверчивых имбецилов.

– Откуда ты знаешь, что у них с доверием? – невесело усмехнулась девушка. Рассказывать правду очень не хотелось, а сократить историю до состояния удобоваримой было не так уж просто. – Есть шанс обезопасить общество от вашего малолетнего психопата, но для этого мне нужна информация. О подробностях не спрашивай, ни к чему тебе.

– Я всегда подозревала, что тебя завербуют, – с улыбкой заявила Дашка, однако как-то сразу становилось ясно, что она не шутит. – Парень этот на меня ужас наводит, сколько его знаю. Вроде нормальный, обычный, ведёт себя как все, но иногда посмотрит – и просто мороз по коже. Это раньше было, когда я только сюда переехала, а ему исполнилось двенадцать или тринадцать. С годами стало хуже.

– Например?

– Многие соседи замечали, что в их мусорных баках по ночам кто-то роется. Баки у каждого рядом с домом, в небольшой пристроечке. Животное, конечно, может забраться, но это действительно сложно, и потом, у нас жёсткий контроль: хозяйева трясутся за своих питомцев, они все наперечёт, и если какой-нибудь бродячий кот или пёс случайно заглянет, народ сразу охрану вызывает.

– Только не говори, что нарушителей границ расстреливают на месте.

– Нет, конечно, просто выгоняют. Я понимаю, это кажется странным, но представь, что ты приобрела котёнка тысяч за двадцать евро...

– Извини, не могу.

– Честно говоря, я тоже, – хмыкнула Дашка. – И не смотри так – да, я ещё помню цену деньгам. Нищее детство сказалось, всё не привыкну к нормальной жизни... Тем не менее это здесь сплошь и рядом: люди выкидывают на питомцев целые состояния, а потом трясутся, как бы чего не случилось. Ну и, естественно, редкие породы очень уязвимы, золотой кошке может загнаться от малейшего сквозняка, не то что от свидания с более маргинальным сородичем.

– Тогда зачем?..

Дашка пожала плечами и с лёгкой печалью предположила:

– Когда у людей есть всё, но не хватает самого главного, они ищут замену. Каждый – в силу своего воображения.

– Так с парнем-то что? – нетерпеливо напомнила Стася, которой слёзных излияний и на встрече выпускников хватило. – Это он в помойках рылся? Бред какой-то.

– Бред – не бред, а исчезали из баков очень личные вещи. Не дорогие или полезные, нет. Он брал то, что люди не хотели бы всем демонстрировать: чеки из магазинов, нижнее бельё, официальные письма, пустые тюбики из-под крема от угрей или бальзама от облысения...

– Весёлый мальчик. Только с чего ты взяла, что это он?

– Соседи видели. Не то чтобы взяли с поличным, но они не сомневаются. Говорят, абсолютно уверены.

– Родителям его сказали?

– Сказали, и после этого всё прекратилось. Зато начались новые приколы – он подглядывал в окна, подбивал других детей на рискованные пакости, оставаясь в стороне...

– Поведение, может, не самое хорошее, но на психические отклонения всё же не указывает.

– Сын моей знакомой учится в одной школе с этим дарованием. У них был какой-то концерт, типа конкурса талантов, и оба пацана собирались играть на электрогитаре. Сын знакомой занимался несколько лет, брал уроки у профессионального музыканта и, соответственно...

– Его нашли с дыркой в голове?

– Нет, всего лишь со сломанными пальцами. Кому понравится, что нужно выступать после более подготовленного конкурента? Мне вот точно не нравилось.

– Сделаю вид, что намёка не поняла. И потом, ты же ничего нам с Наташкой не ломала.

– Потому что я была красивее.

– Как мило.

– Это не хвастовство, а факт. Я не могла соперничать с вами в спорте, но знала, что все взоры зрителей устремлены на меня. Моя маленькая, греющая душу победа.

– Ничего, что мы не участвовали в этом соревновании, поскольку просто о нём не знали?

– Ой, да кого волнует такая ерунда? – дёрнула плечом Дашка, и Стася мигом вспомнила, отчего в детстве её не любила. – Мне продолжать рассказ о юном Чикатило?

– Валяй.

– Накануне концерта ребята в компании друзей отправились в боулинг, и там произошёл странноватый несчастный случай...

– Пальцы рок-звезды застряли в шаре?

– Ага. Причём кто-то его не вовремя дёрнул, повернул... Чтобы вызволить бедолагу, вызывали спасателей.

– Но я так понимаю, что «дёрнул и повернул» не наш криминальный вундеркинд?

– Разумеется, нет. Зачем подставлять себя, когда можно всё сделать чужими руками?

Стася посерьёзнела и недоверчиво посмотрела на Терентьеву. До сих пор поступки парня выглядели как обычные подростковые закидоны и особого впечатления не производили. Но так тщательно спланировать целую операцию по устранению соперника... Это ведь нужно потратить время, применить воображение, выстроить стратегию... И всё без намёка на сочувствие или угрызения совести?

– Что вообще надо сделать с шаром для боулинга, чтобы в нём застряли пальцы?

– Иди спроси, – мило посоветовала Дашка. – Я только передаю, что слышала. А лезть в это болото и беспокоить спящих в нём змей – ни малейшего желания.

– Очень образно и поэтично.

– Зато правда. Я и в гости-то к ним не ходила, Зина всё время здесь была. Конечно, она понимала, почему я к ней не рвусь, но ничего не говорила и сына не выгораживала. Думаю,

из наших, поселковых, с Черновыми вообще мало кто отношения поддерживал, она была рада, что я не отказываюсь от дружбы.

– И с чего бы этой Зине сводить счёты с жизнью? – себе под нос буркнула Стася, но Дашка расслышала.

– Можно подумать, у тебя все соседи в ближайших друзьях. Вне посёлка никто ничего не знал, и Зина общалась с кем пожелает. А проблемы с отпрыском – вроде бы повод их решать, но никак не бежать на тот свет, усугубляя ситуацию.

– Ну, по крайней мере, её эта ситуация уже не тревожит...

Они посидели ещё немного, но разговор не клеился, и Стася засобиралась к Черновым. Девушка не представляла, о чём их спрашивать и на какие точки давить, поэтому надеялась на фортуна, которая, впрочем, никогда не была к ней особенно благосклонна.

Криминальный авторитет облюбовал симпатичный кирпичный особняк с двумя аккуратными эркерами, внушительным забором и видеокамерами у ворот. Даже дом Дашкиного хоккеиста мерк перед грандиозным сооружением, и Стася подумала, что жить в такой махине – совсем не сахар. Впрочем, если сын начинает карьеру маньяка, огромные пространства весьма кстати – можно неделями не пересекаться с опасным отпрыском и, самое главное, не раздражать его своим присутствием.

Девушка несколько раз нажала на кнопку звонка, ответа не дождалась и принялась корчить в объектив камеры глумливые гримасы, надеясь, что охране на том конце надоест издевательство и последует хоть какая-то реакция. Мимические упражнения успеха почему-то не принесли, и Стася загрустила. Тащиться в этот посёлок снова не было никакого желания, уж лучше сразу задать свои вопросы, послушать в ответ раскатистый смех и удалиться ни с чем, но зная, что честно пыталась.

Немного побродив перед забором, она завернула за угол и, удостоверившись, что камер в поле зрения нет, легко подтянулась и перевесилась на ту сторону. Всё шло неплохо, Стася даже порадовалась, что не зря отдала спорту почти двадцать лет, но в следующую секунду она уже летела вниз, прикрывая рукой кончик носа. Драгоценная часть лица едва не стала дополнением к обеду милой и очень тихой собачки, которая, казалось, мечтала о десерте, целенаправленно поджидая его в тени скамейки. Поразившись, что не заметила гигантского волкодава (волкам точно пришлось бы несладко), девушка убедилась, что жизненно важные органы ещё при ней, потёрла ушибленное колено и окинула неприступный забор мрачным взглядом. Чёртов авторитет совсем не думает о людях, хоть бы раз поставил себя на место простого смертного, которому очень нужно попасть на чужую территорию...

– Познакомилась с Дастином? – Голос прозвучал настолько близко, что Стася, памятуя о своеобразном населении коттеджа, приготовилась обороняться.

Однако тревога оказалась ложной: перед ней стоял всего лишь ухмыляющийся Вольтов, наверняка ставший свидетелем позорной попытки нарушить закон. Хорошо, что со своими продажными специалистами он может отмазать любого преступника.

– Что ты тут делаешь?

– Заметил, что соседей грабят, и решил поучаствовать.

– Соседей?

– Ближайших. – Иван кивнул в сторону следующего дома – не такого внушительного и помпезного, как большинство коттеджей в этом посёлке, но тоже вполне приличного. – Даже не буду спрашивать, что вывело тебя на кривую дорожку, уточню только: почему белым днём?

– Ночью темно, – огрызнулась Стася.

– Против железной логики не попрёшь, – усмехнулся Вольтов. – Но, вообще говоря, ты не так уж облажалась – после шести вечера у них всегда кто-то дома, а сейчас никого.

– Откуда знаешь?

– Окна моего кабинета как раз на эту сторону выходят. Я не то чтобы подглядываю, просто...

– А я не то чтобы лезла через забор.

– Туше. – Он снова улыбнулся и очень ровным тоном сообщил: – Дастин хорошо меня знает, мы с ним лучшие друзья.

– Останавливаешь не каждого грабителя, а только через одного?

– Ну, я действительно его подкармливаю, но не мясом. – Вольтов выудил из кармана пакет с карамельками. – Хочешь его угостить? Мигом станешь доброй знакомой.

– Такой, которую не тянет обглаживать? – уточнила Стася, не до конца веря в свою удачу.

– Такой, на которую не хочется даже лаять.

Девушка с сомнением взяла две конфетки и, подтянувшись, бросила псу. Собачья морда моментально стала счастливой и дружелюбной, хвост приветливо завилял. Всем своим видом Дастин давал понять, что очень ждёт в гости таких замечательных людей, особенно если при них будут ещё карамельки.

– Немного странно для подобной махины... И потом, разве им можно это есть?

– Жуёт – значит, можно, – пожал плечами Иван. – А странного ничего нет: Дастин – ещё щенок, все дети любят сладкое.

– Щ-щенок? Надеюсь, его родители живут отдельно?

– Вот сейчас и узнаем. – Вольтов перелез через забор, прыгнул рядом с псом и, ко взаимному удовольствию, принялся чесать ему пузо. – Присоединяйся, мы тебя не укусим.

– Допустим, в собаке я почти уверена, но ты... Не могу сказать, что мечтаю услышать ответ, и всё же спрошу: как часто ты посещаешь дорогих соседей?

– Регулярно.

– А в их присутствии?

– Пореже. Прыгай уже.

Стася укоризненно покачала головой, потом сообразила, что не ей судить, и тоже приземлилась на газон. Дастин отреагировал лишь лукавым понимающим взглядом.

– Так зачем ты сюда навещаешься?

Они направились к дому. Собака следовала рядом, периодически показывая, где надо обойти очередную клумбу.

– Если я скажу, ты скажешь?

– Это слишком сложно.

– Вот-вот. – Вольтов остановился у крыльца и вопросительно посмотрел на подельницу. – Сумеешь взломать замок?

– А ты?

– Нет.

– Тогда я тем более не понимаю, какого чёрта ты сюда лазаешь. Заняться, что ли, нечем?

– Вроде того. Они иногда окна не закрывают, проверим?

– Начинаю подозревать, что ты не психолог, а его клиент, – пробормотала Стася, но действительно двинулась вдоль стены, приглядываясь к возможным лазейкам.

Таковых, увы, не оказалось, за исключением небольшого подвального окошка, располагавшегося почти вровень с землёй. Дастин призывно поскрёбся об узкую створку, намекая, что лучшего места для проникновения к его хозяевам не найти. Создавалось впечатление, что бедную собаку совсем не кормят и она готова отплатить преданностью любому злоумышленнику, протянувшему конфетку. Хотя, возможно, всё наоборот – и вредный пёс живёт в такой роскоши и неге, что время от времени не прочь испытать острые ощущения. Или предоставить их незванным гостям.

– Полезем? – неуверенно спросила Стася.

Сейчас она уже не могла объяснить себе, зачем явилась и на что вообще рассчитывает. Неожиданная поддержка Вольтова тоже вызывала некоторые сомнения: девушка не представляла, что им движет. Правда, и найти недобрый умысел в его действиях никак не получалось. По крайней мере – в отношении неё. Понятно, что к криминальному семейству у Ивана какие-то свои претензии. И чёрт бы с ними со всеми, лишь бы ей эти интриги боком не вышли.

– Прости, я не могу похвастаться осиною талией. Ты, кстати, тоже...

– Идиот, – буркнула девушка. – Как тебя ещё в профессии держат... Спорим, пролезу?

– На что?

– Расскажешь мне, что ищешь.

– А если не пролезешь – ты расскажешь.

– Идёт.

После нескольких неудачных попыток Стася сумела просунуть внутрь нижнюю часть туловища и теперь очень жалела, что не видит, куда будет прыгать. Следовало лезть вперёд головой, но в таком случае её могло ждать крайне неприятное приземление. Или ещё более унижительный момент, когда Черновы обнаружат в оконном проёме её застрявшую филейную часть, а добрый Вольтов будет наслаждаться интригующим зрелищем из своего кабинета. Воображение тут же нарисовало дивную картину, и девушка соскользнула в подвал, по пути свалив на пол какую-то полку и снова ударившись коленом. Старая спортивная травма отозвалась резкой болью, но Стасе было не до того: она могла поклясться, что в соседнем помещении кто-то печально всхлипнул, услышав внезапный шум.

Девушка покрылась холодной испариной и замерла, стараясь не дышать. Удары сердца гулко отдавались в ушах, перед глазами плясали разноцветные пятнышки, конечности сделались ватными и вряд ли сейчас повиновались бы хозяйке. Было ощущение, что она в шаге от обморока, и, рассматривая этот вариант, Стася даже не слишком расстраивалась – во всяком случае, ей не придётся мучиться, когда авторитет или его весёлый наследник решат добиться от неё информации с помощью пыток. И ведь никто не поверит, что никакой информацией она не владеет...

– Что застыла? Интерьер оцениваешь?

– Заткнись, – одними губами прошипела девушка, прикидывая, как быстро сможет вылезти на улицу. Выходило, что о скорости речь не идёт. Хорошо, если вообще удастся выбраться.

– Только не говори, что обнаружила пару мумифицированных тел, – гораздо тише зашептал Вольтов. – Такого в моих планах не было.

– Имей в виду, я тебя сдам.

– Кому?

– Первому, кто подойдёт ко мне с паяльником. Вытащи меня немедленно.

– Интересно как? – занервничал Иван. Он свесил голову вниз и принялся осматривать полутёмное помещение. – Поставь под окно вон ту скамеечку, а на неё – канистру.

– А потом – вежливо поздоровайся с хозяином, который успеет нагреть паяльник, пока я буду возводить Вавилонскую башню. Что он там возится, кстати?

Стася прислушалась к звукам за стенкой и, к своему ужасу, поняла, что там больше никто не вздыхает. Это пугало похлеще вполне материального криминального авторитета и наводило на мысли о заточённых узниках и их бранных останках, возле которых непременно обитают неупокоенные души с длинным списком претензий ко всем живым.

– Ты уже реши – или туда, или сюда, – начал терять терпение Вольтов.

– Не могу.

– Так понравилось в чужом доме?

– Вдруг там кто-то страдает и я могу помочь?

– В смысле – добить?

– Хоть один из твоих клиентов не пытался сунуть голову в духовку? – скривилась Стася. – За стенкой кто-то есть, он явно знает, что я тут, но не выходит. Вопрос – почему?

– Потому что он здесь с аналогичными целями, – усмехнулся Иван. – Приятная встреча нарисовывается.

– Нельзя ли быть немного серьёзнее? – процедила девушка. – Я тут жизнью рискую, между прочим.

– Если хочешь серьёзно – иди. – В его тоне не было ни намёка на юмор, и Стасе стало не по себе.

– Почему это?

– Потому что иначе всю жизнь будешь мучиться, думая, что прошла мимо чужой беды. На кого-то другого это могло бы не произвести особого впечатления, но ты постепенно сведёшь себя в могилу, воображая бредовые варианты развития событий.

– Сам ты бредовый, – буркнула девушка, с печалью осознавая его правоту. – Ладно, я пойду, но если...

– Не переживай, я придумаю великолепную эпитафию. Люди будут рыдать, проходя мимо...

– Уверена, они и при виде тебя рыдают...

Стася на цыпочках дошла до двери, осторожно её приоткрыла и смогла лицезреть широкий коридор, который заканчивался несколькими ответвлениями. Наверняка подвал заполнен не камерами для неугодных Черновым граждан, а всего лишь подсобными помещениями, но шанс наткнуться на что-то очень неприятное пока сохраняется. Впрочем, надо думать, то, что она приняла за вздох, исходило из какого-нибудь бойлера или кондиционера.

Девушка сделала несколько шагов в сторону ближайшей двери, откуда, судя по всему, доносился загадочный звук, аккуратно её толкнула и оказалась в небольшой продолговатой комнате, дальняя часть которой тонула в темноте. Помещение выглядело несколько странно: стены увешаны коврами бордовых оттенков, над полом тусклая подсветка, из мебели только громоздкий дубовый стол со множеством ящичков и, наверное, не одним потайным отделением. Настоящее логово начинающего психопата. Неужели Чернов-старший не знает? Или знает, но предпочитает держать отпрыска под контролем и выделяет всё необходимое для злодейских целей? Или вообще поощряет оригинальное хобби?

Стася приблизилась к столу и наугад выдвинула небольшой ящик. Внутри было до обидного пусто, на дьявольские наклонности хозяев ничто не указывало. Проделав тот же манёвр ещё несколько раз, девушка стала счастливой обладательницей пары исписанных листочков, похожих на школьные черновики, неработающей гелевой ручки и пустой картонной папки. Не иначе как юный маньяк решил поглумиться над незваными гостями. Тоже своего рода болезнь.

Она сунула находки на место, убедилась, что закрыла все ящики, и уже повернулась, чтобы направиться к двери, когда взгляд предательски упал на то, что располагалось в дальнем конце комнаты. Стася застыла в нелепой позе, поморгала, надеясь, что чудесное видение испарится, и тихо ойкнула, ожидая продолжения своих злоключений.

Продолжение почему-то никак не начиналось, и девушка, словно под гипнозом, двинулась к тёмному углу. Она не понимала, что ей руководило – не то желание узнать ужасную правду и больше никогда не теряться в догадках, не то внутренний голос, нашёптывавший, что именно так всё должно закончиться, но здравая мысль уйти и навсегда забыть увиденное даже не возникала. Казалось, череда дурацких, ничего не значащих событий, сложившихся воедино и приведших её сюда в эту самую минуту, была задумана кем-то свыше и теперь оставалось лишь подчиняться, следуя чужому плану и не вспоминая о собственной воле или возможности выбора.

Стася дотронулась до прохладной деревянной поверхности, погладила её ладонью и попыталась приподнять тяжёлую крышку гроба. Ничего не вышло – очевидно, она была приколочена, а может, следовало приложить больше усилий. Девушка наклонилась и принялась ощупывать пальцами края: неизвестно, как эта штука открывается, но ведь где-то должна быть хоть какая-то защёлка. Увы, гроб отказывался поддаваться, и через несколько минут безуспешной борьбы Стася была вынуждена отступить. Отогнав от себя навязчивую догадку о том, что кто-то придерживает крышку изнутри, она отошла на пару метров и начала внимательно разглядывать мрачноватую находку.

Гроб стоял на аккуратном возвышении, смотрелся торжественно и даже величественно, пуст он или не очень – было непонятно. На счастливого обладателя также ничто не намекало: поблизости не оказалось ни таблички с фамилией, ни фотографии. Можно было бы предположить, что рачительный хозяин печётся о будущем и заранее приготовил себе последнее пристанище, но этот вариант выглядел не слишком вероятным. Гроб буквально манил, и девушка снова протянула руку, чтобы до него дотронуться.

– Не советую.

Стася вздрогнула и с некоторым изумлением поняла, что сердце ещё не остановилось. Звук приближающихся шагов она не слышала, голос принадлежал не Вольтову. Следовательно, за её спиной сейчас стоит Чернов, с которого станется использовать деревянное сооружение по прямому назначению.

– Почему? – всё-таки уточнила девушка, решив, что дружеский диалог поможет наладить отношения. Не всякому захочется стрелять в человека, с которым только что состоялась приятная беседа о погоде. Правда, криминальный авторитет вполне способен сделать это и вопреки своему желанию, по долгу службы, так сказать.

– А зачем?

Вопрос слегка удивил и заставил усиленно соображать. В самом деле, особых причин будто бы нет, но ведь надо что-то ответить, иначе совсем глупость получается.

– Интересно.

– А если там то, что не понравится ранимой изнеженной барышне вроде вас? – Его слова звучали очень вкрадчиво, в них не было ни намёка на гнев или раздражение.

Разговор становился всё более странным. Чернов вряд ли решил бы поболтать (бандитам явно полагается действовать как-то иначе), его сын не может обладать таким взрослым голосом. Кто-то из прислуги? Тогда какого чёрта Иван уверял, что дом пустует? Он живёт по соседству, имеет отличный вид на вражескую территорию, с собакой успел подружиться... И ни разу не засёк садовника, дворецкого, помощника... Да кто это вообще такой?!

Стася осторожно повернула голову, рассчитывая боковым зрением рассмотреть собеседника и прикинуть возможную опасность, но за спиной никого не было.

– Вы где? – дрогнувшим голосом осведомилась она, начиная подозревать, что благовоспитанный незнакомец находится в том самом гробу и очень не хочет, чтобы его беспокоили. В принципе, нормальное и понятное желание, лишь бы он действительно намеревался избежать этой встречи. – Вы не волнуйтесь, я с удовольствием уйду. Прямо сейчас могу.

– А куда торопиться? – удивился невидимка. – Так хорошо болтаем, я давно ни с кем не общался.

– Н-насколько давно? – пробормотала Стася, отступая от гроба. – Мне правда уже пора.

– Жаль. С нашим братом редко кто говорит, больше обвиняют в людских грехах, чего-то требуют, заставляют молоко из блюда лакать, будто я кошка какой...

Девушка постаралась выровнять дыхание, чтобы не заорать от ужаса. Проблемы с психикой у Черновых, похоже, семейные. И если юного маньяка не запирают дома, а выпускают к людям, остаётся только предполагать, до какой степени всё плохо с тем, кто живёт в подвале... Агрессии он пока не демонстрирует, вполне добродушно себя ведёт, но насколько хва-

тит этого гостеприимства и как резко может измениться настроение... Надо выбирать, пока ещё не поздно. С другой стороны, пообщаться с бедолагой, у которого явный дефицит внимания, тоже любопытно. Уж он-то должен знать обо всех фамильных скелетах в шкафу. Особенно если сам им является.

– Вы не любите молоко? – Стася не заметила, как паника уступила место азарту, теперь ей хотелось выудить из разговорчивого аборигена побольше информации. Причём не так важно, какой именно, отфильтровать можно и потом.

– Отчего ж не любить? Люблю. Но из кружки, чтоб по-человечески всё было...

– А ещё что любите?

– Хлебушек уважаю. Чёрный. Да чтоб с солью. Только обычно сухари оставляют. Я их, конечно, в молоке-то размачиваю, но, сами понимаете, вкус уже не тот.

– Понимаю, – с сочувствием покивала девушка, так и не определившись, видят её сейчас или нет. Голос доносился прямо из-за спины, и разворачиваться она не торопилась. – А давно вы здесь живёте?

– Да как дом построили, так и живу.

– С хозяевами отношения нормальные?

– А чего ж ненормальные, если подкармливают и не обижают. Люди они, конечно, так себе, но меня уважают.

– Так кем вы им приходитеесь-то?

– Дык домовым.

– Кем?! – опешила Стася.

– Домовой я, или хозяином зовите, как удобнее.

Девушка мысленно перекрестилась и, зажмурившись, развернулась. Теперь следовало открыть глаза, однако и без того слабое желание лицезреть собеседника как-то окончательно сошло на нет. Да, маловероятно, что рядом с ней сейчас стоит мифическое существо, но что, если... Нет, это полный бред. Кто-то из домочадцев Чернова тронулся головой, а может, попросту её разыгрывает. Ещё не хватало выставить себя дураком перед психопатом...

– Твою мать, – ошарашенно выдавила Стася, всё-таки открыв глаза.

В полуметре от неё замер низенький коренастый человечек, одетый в серую рубаху до пят. Лицо выглядело слегка неестественно, уши забавно топорщились из-под панамы. Девушка пыталась собраться с мыслями и выдавить хоть что-то членораздельное, но разум напрочь отказывался ей помогать, подкидывая лишь короткие слоги и восклицания. Аномальность происходящего настолько поражала, что привычные реакции моментально забылись, а новые, соответствующие такому случаю, почему-то не появлялись.

– Ты чего замерла-то, красна девица?

– С-с у...

– Что?

– С-с ума с-сойти...

– Приятно иметь дело с интеллигентным человеком.

– Мне тоже, – неожиданно связно пробормотала Стася. – Очень приятно. Очень.

– А не боишься меня? – прищурился домовый, сразу став похожим на классического персонажа из сказок.

Девушка очумело помотала головой и на всякий случай уточнила:

– А надо?

– Кому надо, а кому и нет...

Стася понимающе моргнула и внезапно сорвалась с места. Она мчалась на предельной скорости, не видя ничего вокруг и не осознавая, куда бежит. Пол под ногами ощутимо качался из стороны в сторону, девушка то и дело заваливалась на стены и перила, спотыкалась и продолжала путь практически на четвереньках. Следующим воспоминанием оказалась входная дверь,

запертая на множество дорогих замков, и окно, которое, к счастью, открывалось изнутри. Стася приземлилась на руки, угодила лицом в сырую, свежесполитую клумбу и, мгновенно вскочив, очутилась в объятиях Вольтова. Соседа Черновых она признала далеко не сразу, а потому успела нанести ему пару чувствительных ударов и даже вырваться из его цепкой хватки, отправив нерадивого психолога в разросшийся куст барбариса, наверняка доставивший своему пленнику массу отрицательных эмоций.

– Совсем сдурела?

– Да, – честно сказала девушка, не испытывая в новом диагнозе особенных сомнений.

– За тобой черти гнались?

– Домовой.

– Очень смешно. Помоги мне подняться.

Он протянул руку в надежде выбраться из колючего кустарника, но Стася её проигнорировала и с опаской посмотрела в сторону окна.

– Я серьёзно, там был домовой.

– А Баба-яга не прилетала?

– Не знаю, – задумчиво пробормотала девушка. – У них ещё в гробу кто-то живёт... Или не живёт... Но, видимо, там было занято, иначе с чего домовому меня одёргивать...

Вольтов наконец распрощался с кустами, подошёл к Стасе и, аккуратно взяв пальцами за подбородок, немного приподнял её голову, внимательно глядя в глаза.

– Психические заболевания у родственников есть?

– Нет.

– Точно?

– Не точно.

– И кто в зоне риска? Отец, мать?

– Брат.

– У тебя есть брат? – искренне удивился Иван. – Странно, на приёме ты не рассказывала, я бы запомнил.

– Странно, что я вообще что-то тебе рассказывала.

Она вырвалась и, бросив в сторону окна прощальный взгляд, направилась к забору. Пёс весело бежал рядом, похоже радуясь тому, что не только он вынужден видеть странные вещи.

– Если надумаешь ещё раз сюда зайти, возьми с собой кружку молока и чёрный хлеб с солью.

– Осинový кол тоже захватить?

– Не помешает.

– Стась, что за фигня?

Вольтов догнал её и вцепился в локоть, но она даже не притормозила.

– Хочешь узнать, что за фигня – лезь туда и сам общайся с фольклорными элементами, а с меня хватит!

– Да погоди, объясни всё толком.

– Объяснить? Объяснить?! Я уже объяснила. Если ты чего-то не понял, это твои проблемы!

– Что я должен был понять? Что ты собиралась залезть в чей-то гроб, но тебе помешал домовой?

– Ты на удивление точно всё пересказал.

Она вскарабкалась на забор и оттуда, с безопасного расстояния, посмотрела на коттедж. Теперь жилище криминального авторитета производило совершенно новое впечатление, ассоциируясь не столько с преступлениями, сколько с чем-то совсем жутким и потусторонним.

– И всё-таки... – Вольтов прервался на полуслове, потому что окно, из которого она вылезала, с треском захлопнулось, хотя Стася, пристально разглядывавшая дом, могла поклясться, что никого там не видела. – Внутри и правда кто-то был?

– Сомневаешься? Вернись и убедись лично, – с мерзкой ухмылкой посоветовала девушка, которой уже не было страшно.

То, что обитель тёмных сил удалось покинуть с такой лёгкостью, могло говорить о многом. Например – о том, что ей действительно не желали зла. Или о том, что она оказалась быстрее непонятого, но голодного существа. Спасибо папе, который дальновидно отдал любимую дочурку в серьёзный спорт, а не на танцы.

– Как он выглядел?

– Кто? – Девушка не сразу вернулась в реальность и чуть не свалилась с забора.

– Тот, кого ты видела.

– Мелкий, морщинистый, со странными ушами. Ах да, он ещё одевается как наши древние предки, соответствующе говорит и назвал меня «красной девицей».

– Ну, здесь мужик явно погорячился, сейчас ты зелёная, местами даже в желтизну...

– Тебе смешно?! – взорвалась Стася. – Я могла не выйти оттуда живой, могла навсегда остаться рядом с телом, которое они прячут в гробу, или превратиться в такую же домо... домо... Как называется женщина-домовой?

– Кикимора?

– Идиот, кикиморы в воде живут.

– Тогда домовиха.

– Как-то по-дурацки звучит, мне не нравится.

– Чертовка?

– Вот это ничего, вполне по мне.

Вольтов неожиданно провёл рукой по её волосам и в ответ на возмущённый взгляд пояснил:

– У тебя должны появиться рога и хвост. На хвост ты вряд ли разрешишь посмотреть, так что...

– Да что ты издеваешься? У меня шок, между прочим...

– Я заметил.

Лишь тогда Стася поняла, что бессмысленная болтовня пришлась очень кстати и каким-то чудодейственным образом её успокоила. Состояние было подобно тому, которое она испытывала после тяжёлых соревнований или долгой болезни – вроде всё уже хорошо, но организм перенёс потрясение и только начинает восстанавливаться, напоминая о пережитом усталостью, сонливостью и меланхолией. Очевидно, Вольтов – не самый плохой психолог. Или искренне заинтересовался родовой принадлежностью домовых. Причём второе явно вероятнее.

– Ты когда-нибудь его видел?

– Нет.

– Но сам же говорил, что окна кабинета выходят...

– Выходят.

Они немного помолчали, думая каждый о своём, и Стася наконец покинула забор, с опозданием сообразив, что камеры могут быть установлены не только у ворот. Вольтов об этом, видимо, не беспокоился и о том, что их засёк кто-то из домочадцев Чернова, тоже не переживал. Его нетипичная реакция наводила на определённые мысли, но девушка всё ещё пребывала в некотором оцепенении и не понимала – какие именно. Это слегка раздражало, однако радость от того, что злоключение завершилось относительно благополучно, была сильнее, и через пару минут она начала улыбаться, подставив лицо солнечным лучам.

– Оклемалась? – заботливо поинтересовался Иван, и было видно, что он скорее удивлён.

– Твоими молитвами.

– Разве они действуют на чертовок?

– Можешь уточнить у моего знакомого домового... Слушай, ты же мне спор проиграл!

– И правда оклемалась, – покачал головой Вольтов.

Он стянул с себя рубашку с длинным рукавом, постелил её на пригорке, откуда открывался прекрасный вид на его дом, и жестом пригласил садиться. Было немного странно, что Иван даже не думает вернуться к себе, в более комфортные условия, но, прислушавшись к своим ощущениям, Стася поняла, что тоже не хочет уходить.

– Так что тебе понадобилось у Черновых?

– Ну уж точно не гроб, охраняемый домовым, – невесело усмехнулся Вольтов. – Зинаида, жена Чернова, ходила на консультации в мой центр помощи, а потом...

– Покончила с собой.

– Видишь, ты и так всё знаешь.

– Я не знаю, зачем надо доканывать вдовца, которому и без тебя нелегко... Подожди, ты думаешь, что она не сама? Но лично я не вижу здесь ничего удивительного, наше с тобой общение произвело на меня похожее впечатление, и если бы нервы были послабее...

– Обязательно ёрничать? Женщина погибла, между прочим.

Стася прикусила язык, но совсем отказаться от допроса не могла – слишком уж заманчивая история была связана с этой Зинаидой и её наследником. Вряд ли случившееся имеет отношение к тому, что её действительно интересует, и тем не менее проверить стоит.

– С чего ты взял, что она не сама?

– Считаю это профессиональным чутьём.

– Чутьё тебе подсказывает, что ты не мог облажаться и виноват кто-то другой?

Вольтов приподнялся, собираясь уйти, но сразу опустился обратно и только махнул рукой.

– Я знаю, как это выглядит. И мне плевать.

– Допустим, – помолчав, сказала Стася. – Но какой смысл наблюдать за их участком и лазить туда? Что ты там рассчитываешь обнаружить? Всё уже случилось.

– Хочу больше узнать о её жизни, убедиться, что у неё не было таких намерений.

– А если убедишься в обратном?

Он не ответил, но заметно помрачнел и принялся разглядывать травинку. Любопытная реакция, учитывая его репутацию. Может, где-то внутри ещё остались зачатки совести, и Вольтов наконец понял, что здорово заигрался, а на кону чужие жизни...

– Вдруг это внезапное решение? Не каждый самоубийца месяцами выстраивает в голове сложные планы и оставляет следы, по которым близкие поймут, что происходит что-то не то. Иногда человеку так тошно, что он просто не в состоянии сопротивляться и хочет мгновенно со всем покончить.

– Ты кому это говоришь?

– Я имею в виду, что в таком случае ты не обнаружишь доказательств её суицидальных настроений, даже если Зина действительно полезла в петлю по собственной инициативе. Ну и какой смысл искать?

– Чтобы найти хоть что-то.

– Признайся уж честно, что приглядываешься к её сыночку.

– Чудесно.

Вольтов скривился и поднял глаза к небу. Стася не поняла, следует ли принимать его мимические упражнения за восхищение её детективными способностями или, наоборот, за сожаление по поводу необычайно низкого уровня интеллекта.

– Ты не мог бы раскрыть суть сего высказывания? – процедила она, остановившись на втором варианте.

– Чудесно, что я в тебе не ошибся, – послушно пояснил Иван, заслужив предельно испепеляющий взгляд и вызвав лёгкий зубовой скрежет. – Очень мелодично, почаще бы так...

– Вольтов, ты...

– Вряд ли сейчас последуют дифирамбы, поэтому, извини, перебыю. Мальчишка тоже у нас консультировался, но мои специалисты быстро направили его в другое учреждение, а дошёл он туда или нет – не знаю. До принудительной госпитализации было очень далеко, мы всего лишь рекомендуем, не более того.

– Парень – психопат?

– О врачебной тайне не слышала?

– Слышала, но ты-то к ней каким местом?

– Знаешь, когда ты ушла из спорта и потеряла опору в жизни, ты нравилась мне гораздо больше. Я прям человека в тебе видел...

– А в Чернове-младшем видишь?

– Не очень, – усмехнулся Иван, отдавая должное её настойчивости. – Он почти лишён эмпатии, чувствует и мыслит совсем не так, как остальные. Но при этом не агрессивен и не опасен для окружающих. По крайней мере, пока.

– А как же Зинаида? Ты не думаешь, что...

– Маловероятно, – поморщился Вольтов. – Я бы скорее предположил, что это её криминальный супруг, планировавший привести в дом другую и не желавший делить нечестножитое... В общем, здесь что-то примитивное, сын всё сделал бы иначе.

– Как? С облием крови, скальпом на стенке и внутренностями под столом?

– С выдумкой и азартом. Если он пойдёт по этой дорожке, будет испытывать в убийствах физическую потребность, получать от них удовольствие. Но рано или поздно любое удовольствие приедается и требуется чем-нибудь его разнообразить.

– А у него ещё не приелось?

– Он слишком умён, чтобы начать вот так и радоваться самому факту. Должно быть нечто более продолжительное и захватывающее, интригующее и подогревающее...

– Вроде затянувшейся слезки за соседями? – съязвила Стася. – Ты ждёшь, когда у него окончательно снесёт крышу? Чтобы что? Остановить?

– Ну да. Я же спец, пойму, что происходит, гораздо раньше его отца, учителей и друзей. И насчёт Зинаиды – правда. Мне очень не нравится её смерть.

– А остальные в восторг приводят? – снова не удержалась девушка. – Ладно, меня не волнует мелкий антихрист. И его убиенная мать тоже. И домовый с обитателем гроба. И...

– Какой редкий пофигизм...

– Скажи, особенности этого пылкого юноши могут передаваться по наследству?

– Нет.

– Прям точно-точно? Может, он получил их не от отца, а от какого-нибудь дяди, бабушки, прадеда...

– Ты слышала хоть об одном семействе маньяков? Я имею в виду не супругов, а кровную родню.

– Я не то чтобы сильно интересовалась вопросом.

– Родственники очень редко в курсе, а если знают – могут защищать или делать вид, что ничего не случилось, до последнего закрывать глаза... У них бывают разные роли, в том числе не самые хорошие, однако теми же наклонностями они не обладают. Если только совсем уж большое исключение. И я вообще подозреваю, что патология этого парня приобретённая, а не врождённая. Хотя на сто процентов не уверен, могут быть варианты...

– Приобретённая – это в результате какой-то детской психологической травмы?

– Учитывая род деятельности его отца, такой вариант – самый простой. Мальчишка когда-то что-то увидел, проникся и ожесточился. Отсутствие многих типичных эмоций –

это как бы защитная реакция, она позволяет чувствовать себя непробиваемым, неуязвимым. Зачем страдать, когда можно причинять страдания другим...

– А третьего не дано?

– Для этого с ним надо работать много лет – при его полном содействии и желании стать нормальным. И даже тогда результат не гарантирован, всё зависит от травмы и особенностей его личности. И если уж тебя интересует наследственность, скажу так: передаться, например от деда к внуку, такое вряд ли может. Но вот реакция на стрессовые ситуации у близких родственников бывает весьма похожей. Поэтому, если в своё время дед был так же травмирован и так же закрылся от потенциальных угроз внешнего мира, у внука очень неплохие шансы пойти генетически знакомой тропинкой...

– То есть всё-таки надо искать родственников! – обрадовалась Стася. – Так я и думала.

– На кой они тебе?

– Ты бы узнал, если бы не ошибся насчёт соотношения моих бесподобных форм и подвального окна.

Она поднялась, стряхнула прилипшие к штанам травинки и, ни слова не сказав на прощание, направилась к автобусной остановке. Иван какое-то время посидел, прикидывая, стоит ли её догонять, потом всё же не выдержал и рванул следом.

– Слушай, у нас, похоже, одни и те же цели.

– Вовсе нет.

– Даже если нет, где-то они пересекаются, ведь так?

Стася нехотя кивнула и замедлила шаг. Судя по тому, что она слышала о Вольтове, связываться с ним себе дороже, да и раскрывать секреты своей семьи – ни малейшего желания. С другой стороны, удачное расположение его дома может оказаться очень кстати. Опять же, он общался с Зинаидой, которая, вполне вероятно, что-то знала...

– В твоём центре ведь есть какие-нибудь записи...

– О пациентах и клиентах?

– Достань всё, что имело отношение к Черновым, и я подумаю о сотрудничестве.

– Ты соображаешь, о чём просишь? Да я за это сесть могу.

– Только если кто-нибудь узнает. И вообще, я тоже рискую, соглашаясь на твою дружбу.

– Чтобы на что-то согласиться, нужно, чтобы сначала тебе это предложили, – безрадостно буркнул Вольтов. – И чем, интересно знать, ты так рискуешь?

– Психическим здоровьем. – Она зашла в подъехавший автобус и обернулась. – Найдёшь меня, если надумаешь. А если не надумаешь, я сама найду.

Обещание явно не привело Ивана в восторг, но он автоматически кивнул и пошёл прочь – видимо, размышляя о перспективах тюремного заключения.

Вернувшись в свою квартиру, Стася включила чайник, соорудила бутерброд и только тогда подумала, что может быть не одна. Боязливо оглядевшись, девушка налила в кружку молоко, посолила чёрный хлеб и, запихнув угощение за холодильник, громко пожелала домовому приятного аппетита. Ещё немного – и придётся обращаться к Вольтову за профессиональной помощью.

Утолив голод, она устроилась на диване, попыталась нащупать где-то под собой пульт от телевизора, но в процессе поиска устала и с облегчением закрыла глаза, радуясь, что этот день наконец завершился.

* * *

Проснулась Стася, когда за окном уже брезжил жидкий рассвет, а комната была наполнена холодными сумрачными тенями. Взгляд тут же упал на большой чёрно-белый портрет, висевший над столом, и девушка, зябко поёжившись, постаралась смотреть в другую сторону.

На том, чтобы изображение украшало собой её квартиру, настоял отец, но Стасе это было не по душе, и каждый раз, когда она видела серьёзные строгие глаза, точёный греческий нос и плотно сжатые губы, внутри что-то переворачивалось.

Ей говорили, что они ужасно похожи, просто копия друг друга. Ей говорили, что от него она переняла спортивный талант и характер. Ей говорили, что она стала утешением для семьи и надеждой на продолжение рода... Стасе много чего говорили, только она никогда не понимала, почему её не воспринимают как отдельную единицу и всегда пытаются связать с братом, которого уже давно нет в живых. А даже если и есть, он отказался быть частью их семьи, отказался явиться на её крестины и первый чемпионат, отказался ухаживать за отцом, когда тот серьёзно болел, и помогать маме на даче, отказался хотя бы раз намекнуть, что с ним всё в порядке, отказался подарить родителям спокойную старость, а ей – собственную судьбу, где не было бы его призрака и были бы свои решения...

Стася скорчила портрету злобную рожу и отправилась на кухню. Она корила себя за не самое сестринское отношение к родственнику, но и перебороть отрицательные эмоции не могла. Сколько она себя помнила, отец и мать жили только им и связанной с ним трагедией, а она была для них лишь бледной тенью, подобием из разряда «на безрыбье и рак рыба». Из неё пытались вырастить его аналог, сделать клонированную версию, у которой нет своих особенностей и желаний. В чём-то девушка понимала родителей и очень им сочувствовала, однако быть для них сыном ей давно надоело, а как быть дочерью, её не научили. В результате Стасю тянуло в противоположные стороны, она часто ошибалась и во многих ситуациях не представляла, как поступать. Уйдя из спорта, она впервые начала ощущать себя личностью, и это перевешивало все неудобства и проблемы.

По крайней мере, так было до вчерашнего дня, когда жизнь оказалась существенно разнообразна весёлыми испытаниями и нетипичными знакомствами. Возможно, родители не зря старались уберечь её от чрезмерной самостоятельности, но кто предполагал, что реальный мир настолько аномален...

Тоскливые размышления прервал дверной звонок, и Стася с ужасом посмотрела на часы. Кто может заявиться в такую рань, да ещё без предупреждения? Если бы у родителей что-то стряслось, они воспользовались бы телефоном, а остальные...

Что сделали бы остальные, она так и не придумала, потому что звонок повторился и пришлось переместиться ближе к двери. Подкрадывалась она на цыпочках, чтобы не обнаружить своего присутствия, и даже проигнорировала глазок: если там домовый Черновых, его, в силу роста, всё равно не будет видно, а обитатель гроба явно должен быть не из тех, на кого приятно смотреть в четыре утра. Подивившись собственному практически равнодушному отношению к запредельному в своей сверхъестественности происходящему, Стася приложила ухо к двери и моментально услышала раздражённое:

– Если не откроешь, я пройду по твоим соседям и расскажу, чем ты занимаешься.

– А чем я занимаюсь? – по-настоящему изумилась девушка, распахивая дверь.

На лестничной клетке стоял хмурый Вольтов с пухлой папкой в руках. Вид он имел самый плачевный, но сразу сказать, в чём именно это заключается, было сложно.

– Подбиваешь людей на ужасные злодеяния. – Он вошёл в квартиру, сбросил обувь и недовольно осмотрелся. – Не думала найти жильё попримичнее?

– Не думал приобрести часы?

– А у меня есть, – просветил Иван. – Точнее, были. Пока я не оставил их на месте преступления.

– Кого прикончил? – не особо удивилась Стася.

– Свою совесть. – Он сунул ей папку и рухнул на диван – запрокинув голову и вытянув ноги. – А ведь ещё вчера был добропорядочным человеком, бродячих животных подкармливал...

- А сегодня?
- А сегодня заныкал в тайнике деньги и загранпаспорт – на случай если менты всё узнают.
- Где?
- Да где угодно, хоть от тебя...
- Заныкал где? Мало ли что с тобой будет, а так я хоть найду жильё попримечнее...
- Вольтов презрительно скрутил пальцы в кукиш и с некоторым воодушевлением заметил:
- Не тешь себя иллюзиями, ты тоже по этапу пойдёшь. Как организатор преступной группировки.
- Тебя маловато, чтобы называться группировкой.
- А я ещё домового сдам, как раз банда вырисовывается... Можешь эти бумаги хоть до дыр зачитать, но там действительно ничего интересного. Зинаида обратилась к нам из-за сложностей в отношениях с мужем: они охладели друг к другу, почти не проводили время вместе, разговаривали только о сыне и домашних проблемах... Это всё стандартно для супругов с их стажем.
- А говоришь, не было повода для суицида.
- Так оно и есть, вменяемые люди не лезут в петлю из-за подобной ерунды. Вернее, некоторые, конечно, лезут, но это или по молодости, когда расставание видится гипертрофированной трагедией, или – если со второй половинкой человек теряет что-то ещё.
- Состояние, дом, ребёнок и привычный уровень жизнь?
- Ребёнка она не потеряла бы – парень скоро совершеннолетним будет, за него даже судиться бессмысленно. Насчёт остального тоже не факт – основная часть имущества нажита в браке, так что в случае развода Зинаида не оказалось бы нищей. Но, собственно, про развод речь и не шла, она просто хотела, чтобы в их отношениях появились прежние доверие и тепло. К тому же ситуация была очень далека от действительно острой, так что повод для петли отсутствовал.
- Ну а ещё что? – разочарованно спросила Стася. – Она говорила о родственниках мужа?
- С чего бы? Родня в их жизни почти не участвовала и никакого влияния не оказывала.
- Но она существует?
- У Зинаиды есть мать и двоюродная сестра. Кто у Чернова – не в курсе, она о его семье не говорила.
- Тогда поехали к матери.
- А я всё ещё не знаю зачем, – вяло напомнил Вольтов. – И где эта мать живёт, извини, тоже. У меня не детективное агентство.
- Очень жаль. Надеюсь, к следующему разу ты восполнишь этот пробел.
- К какому разу? – сквозь зубы уточнил Иван. – Я ещё этот не пережил.
- За окном символично завывали сирены, и Вольтов заметно побледнел.
- Ты что, правда кого-то убил за эту папку?
- Хуже, – буркнул он, и Стася решила, что совершенно не хочет знать подробности.
- Где Зинаида родилась?
- Думаешь, мать по-прежнему там живёт? – Вольтов взял папку и принялся перебирать бумаги. – Где-то об этом было, но я сомневаюсь, что за столько лет...
- Почему они мокрые? – полюбопытствовала Стася, брезгливо присматриваясь к документам.
- Система автоматического пожаротушения, – коротко пояснил Иван, и ей снова расхотелось задавать вопросы. – Вот, написано, что Зинаида росла на берегу водохранилища и дружила с мальчиком из соседней квартиры.
- Прямо на берегу?
- Думаю, речь о многоэтажке.
- Кажется, там только один такой дом, остальные – дачи и новенькие коттеджи.

– По-моему, он расселён давно. Или даже снесён уже.

– А если нет?

Вольтов обречённо поднялся с дивана и проследовал в прихожую, где печально, со вздохами и долгими паузами натягивал кроссовки. Чувствовалось, что перспектива прогуляться до водохранилища его не слишком прельщает, однако протестовать он отчего-то не стал и покорно ждал на лестничной клетке, пока Стася переоденется. Девушка решила не усердствовать и попросту накинула на свой вчерашний наряд чёрную толстовку – утреннюю прохладу ещё никто не отменял.

– Отлично смотришься, – съязвил Иван. – С первого взгляда и не скажешь, что ходила в этом весь день, а потом спала. Только со второго.

– Тебя вообще выжимать можно, но я же вежливо молчу. Так где был пожар?

– В моём центре. Должен заметить, что некоторые документы уже не восстановить.

– И не найти? – прищурилась Стася. – Серьёзно: что ты сделал? Не мог же и правда спалить место, в котором работаешь.

– Между прочим, многие об этом мечтают, – уклончиво сказал Вольтов, и дальнейших комментариев не последовало.

Водохранилище располагалось на окраине города, и долгое время захолустный район считался самым непопулярным. Однако около десяти лет назад его облюбовала местная администрация, отгрохавшая на берегу роскошные особняки, а вскоре потянулся и люд попроще. Крупнейшая в области спортивная база тоже находилась у воды, поэтому раньше Стася частенько тут бывала и сейчас, завидев песчаный спуск к причалу, прониклась детским восторгом.

– Давай подойдём!

– Зачем? – безо всякого воодушевления поинтересовался Иван. – Вон многоэтажка, которая нам нужна, туда ещё пилить и пилить.

– До чего нынче мужик хлипкий пошёл, – скривилась девушка и, не слушая его брюзжания, побежала вниз.

Серое зарождающееся утро окрасило воду в тёмные, почти чёрные оттенки. Лёгкая рябь, холодный песок и мокрые прогнившие доски причала тоже не добавляли пейзажу привлекательности, но Стасе было всё равно. Она встала на четвереньки, дотронулась ладонью до длинной зелёной растительности, покачивающейся у поверхности, и улыбнулась кому-то в глубине.

– Друзей высматриваешь? – хмуро буркнул Вольтов, усаживаясь рядом.

– Каких друзей? – не поняла она.

– Водяного, утопленников, русалок... Кто там у тебя ещё в ближайших товарищах...

– Как ты относишься к небольшому заплыву?

– С диким предвкушением. Особенно сейчас, когда... Ты сбрендила? Вода ледяная.

Стася презрительно фыркнула и сняла толстовку, которой благоразумно утеплилась меньше часа назад. Кожа сразу ощутила свежий ветерок. Захотелось снова одеться и никуда не лезть, но идти на попятный было поздно – не показывать же нерадивому психологу, что она не может сохранять элементарную последовательность в своих, пусть и оригинальных, решениях.

– У тебя проблемы, – мигом сообщил он, выразительно рассматривая синеватые мурашки, покрывшие её руки. – Я бы даже предположил, что этим детским способом ты пытаешься самоутвердиться и кому-то что-то доказать, вот только...

– Доказывать некому и нечего.

– Именно это меня и удивляет. Напрашивается вывод...

– Который до безобразия неверен.

– Ты его даже не слышала, – усмехнулся Вольтов.

– У тебя все выводы такие.

Стася стянула штаны и, проигнорировав его язвительно-восхищённый взгляд, нырнула в самую гущу водорослей. Внизу оказалось далеко не так холодно, как она предполагала. Мягко дотронувшись руками до песчаного дна, девушка перевернулась на спину и неспешно поплыла от берега – разгребая перед собой зелёную растительность и разгоняя мелких рыбёшек. Сквозь неплотно прикрытые веки она различала свет наверху и лёгкое мерцание скудных, робких солнечных лучей. Выныривать не хотелось. В воде она чувствовала спокойствие и безмятежность, словно не было в её жизни погибшего брата и требовательных родителей, ухода из спорта, о котором Стася иногда всё же жалела, в чём ни за что себе не призналась бы, и настоящего, всамделишного домового, охранявшего чей-то гроб...

Вспомнив странное, неестественное лицо сказочного существа, девушка рефлекторно вздохнула и, закашлявшись, рванула вверх. Бог его знает, что может водиться в этих глубинах – Вольтов, хоть и ёрничает, не так уж далёк от истины, ведь если домовые уже так запросто общаются с людьми, что мешает русалкам исполнять свои прямые обязанности, затягивая в омут неосторожных купальщиков... Или их только мужики интересуют? Тогда, конечно, есть шанс обойтись без омута, но хвостом, наверное, всё равно наградят...

Оказавшись на поверхности, Стася немного успокоилась и, отдышавшись, поплыла обратно к причалу. Вылезать из воды всё ещё не хотелось, но нечто потустороннее, скрывавшееся в тёмных глубинах, начинало всерьёз нервировать. Как назло, и без того тусклое солнце окончательно исчезло в облаках, краски заметно поблёкли, а растительность, мягко щекотавшая ноги, перестала казаться такой уж безобидной. Нет, пора что-то делать с чересчур активным воображением, иначе скоро любая тень будет доводить до инфаркта.

– Наплавалась? – ядовито осведомился Вольтов, которому явно было холоднее, чем ей.

– Подумала, что мать Зинаиды может уйти на работу и мы не застанем её до вечера, – очень равнодушно сообщила девушка, с облегчением хватаясь за доски причала. – Ты тут не соскучился, пока меня не было? Мог бы составить компанию.

– А ещё мог бы вены вскрыть. Сейчас столько интересных развлечений...

– Идиот, – закатила глаза Стася и тут же зажмурилась от боли, пронзившей всё тело. – Господи, – сдавленным шёпотом выдохнула она, вцепившись в давно травмированное колено. – Что за чёрт?

– Ты бы уж определилась, к кому обращаешься, – покачал головой Вольтов. – Помочь вылезти? Или, протянув дружескую руку, я в буквальном смысле окажусь на дне?

– Лишь бы я там не оказалась, – простонала девушка, пытаясь разогнуть ногу. Боль была адская, и получалось неважно, но она почувствовала, что обошлось без серьёзных повреждений.

– Надеюсь, тебя не пираньи жуют? – философски предположил Иван, похоже и правда это допуская.

– Почему не динозавр?

– Он там не поместился бы, – с умным видом сообщил Вольтов. – По этой же причине я отмёл гигантского кальмара и доисторическую акулу, случайно дожившую до наших дней. А версия с водяным мне нравится, но я сомневаюсь, что он стал бы тебя обглаживать, наверняка с той стороны твоего тела есть более интересные опции... Ты что, даже не попытаешься меня утопить?

В его голосе отчётливо слышалась обида, и в другое время девушка развеселилась бы, но сейчас она осторожно болтала под водой здоровой ногой, рассчитывая понять, на что так неудачно наткнулась. До дна было относительно далеко – Стася, конечно, могла туда донырнуть, однако даже у неё, тренированной и закалённой, это получалось не всегда. Чтобы оказаться в самом низу, требовалось разбежаться и прыгнуть с причала, придавая себе ускорение, а то, что её атаковало, находилось около поверхности и, следовательно, было очень большим.

Ничего подобного она здесь никогда не видела, хотя провела в этом месте не одно счастливое лето.

– Что ты там делаешь? – с любопытством спросил Вольтов, свесившись почти до воды.

– Догадайся.

– Решила придушить невидимого противника? Брось, оно того не стоит. Да и пусть себе резвится...

– Кто?

– Инопланетянин.

Стася настолько изумилась, что даже перестала шевелить конечностями под водой и вытаращила глаза, призывая Вольтова вернуться в скучную реальность.

– А что такого? Ты, разумеется, слышала об их таинственных подземных базах и о том, что они атакуют вражеские подлодки своими инфракрасными лучами смерти...

– По-твоему, я вражеская подлодка? – после долгого молчания уточнила девушка, уже не зная, стоит ли вылезать из воды. В конце концов, и на суше совсем не безопасно.

– Ну, корма у тебя что надо...

– Слушай, это уже вообще... это... это... Дай сюда бутылку!

– С посланием от потерпевших крушение?

– С остатками истины и коньяка.

– Какой истины? – не понял Вольтов.

– Той, которая на дне бутылки. Тащи уже сюда.

Иван огляделся, заметил в прибрежных кустах то, на что она указывала, и по-настоящему напрягся.

– Признаю, я немного перегнул, но это же не повод...

– Вольтов, не беси меня.

– Зачем она тебе понадобилась? Решила засорить любимый водоём? Так он уже и без того...

– Вольтов!

Он нехотя поднялся, медленно прошествовал к кустам и брезгливо скривился.

– Я туда не полезу.

– Жить захочешь – полезешь.

– Я хочу, и именно поэтому... О господи, ладно, только не смотри больше так, у меня нервы не железные.

Иван с отвращением двумя пальцами поднял бутылку, потряс её в воздухе и вопросительно посмотрел на Стасю.

– Там ничего нет.

– А ты всё-таки надеялся узреть истину? – процедила девушка, наконец начав замерзать.

– Я надеялся услышать хоть какие-то объяснения. Желательно – правдоподобные, но я уже на той стадии, что и любые другие сойдут, лишь бы были.

– Разбей её вдоль и давай мне.

– Как это – вдоль? – обречённо уточнил Вольтов. Чувствовалось, что он ничему не удивляется и вообще порядком устал от бесконечных сюрпризов. – И чем я должен её бить?

– Ну вон железка какая-то торчит. Старайся, чтобы осколок был плоским и большим...

Почему тебя всему учить надо? Такое ощущение, что ты ребёнком не был...

– Ребёнком я читал хорошие книги, ходил в походы и на скрипке играл. А вот чем занималась ты...

– Поэтому ты и стал психологом? – заинтересовалась девушка.

– И где связь?

– Ну, тебя постоянно лупили во дворе, ты страдал и, вместе того чтобы, бросив скрипку, записаться на карате, как сделал бы любой приличный пацан, рефлексировал, сидя дома и вку-

шая бабушкины борщи. Я прям вижу, как она по вечерам декламирует тебе Маяковского, стирает носки и называет хорошим, добрым мальчиком...

– Дура, – не сдержался Вольтов. Было заметно, что он сильно задет, хотя Стася всего лишь закинула пробную удочку и даже не надеялась так сразу попасть в цель.

– То есть ты не отрицаешь?

– Меня никто не лупил.

– Так уж и никто? – усомнилась девушка. – Мы общаемся всего пару дней, и я с трудом справляюсь с желанием перейти к активным боевым действиям, а если бы...

– Меня никто не лупил, – по слогам повторил Вольтов, и Стасе стало неудобно.

Намерение довести его до нервной икоты, продолжая разговор на острую тему, как-то резко сошло на нет. Внезапно явилось осознание того, что поблизости ни души, а битая бутылка пока у него и, случись вооружённый конфликт, её хладное тело всплывёт лишь через пару недель...

– Я увижу сегодня свой перископ? – примирительным тоном буркнула она. – Не хотелось бы проторчать в воде до зимы.

– К зиме у тебя точно хвост отрастёт, – тише отозвался Вольтов, тоже решив, что переборщил. – Может, даже икру метать научишься – дело в хозяйстве полезное...

Он протянул стекляшку, оставшуюся от бутылки, и с интересом наблюдал за манипуляциями Стаси, которая за годы бедной на события взрослой жизни навык порядком подрастеряла. Положив импровизированный инструмент для изучения подводного мира на тёмную гладь и придерживая его двумя пальцами, девушка принялась всматриваться в глубину, чему довольно сильно мешали длинная зелёная растительность и страх увидеть что-нибудь крайне неприятное. Сначала Стася могла сосредоточиться только на мутном грязноватом стекле, но чем усиленнее она напрягала зрение, тем отчётливее проступали контуры того, что было внизу. Эффект очков для плавания сработал как нельзя лучше, однако открытие оказалось весьма сомнительным.

– Камень, – сообщила она, устав слушать нетерпеливое сопение Вольтова. – Большой коричневый камень.

– Чудесно. Теперь, когда тайна века раскрыта...

– Что он там делает?

– Полагаю, покоится с миром на дне морском и вовсе не желает, чтобы его тревожили.

– Ты понимаешь, какого он размера? Метра два точно, а может, и больше. И его здесь никогда не было.

– А теперь есть.

– Откуда?

Иван потёр лицо руками, будто сильно от чего-то устал, и обречённо уставился куда-то вдаль.

– Течение принесло.

– Ты издеваешься или действительно...

– Действительно! – рявкнул он, напугав стайку рыбёшек, уже смирившихся с присутствием Стаси. – Я не могу расследовать появление камня на дне водоёма! У меня есть более интересные дела, и одно из них находится вон в том доме, а я даже не уверен, что когда-нибудь туда дойду!

– Но...

– Хватит уже корчить из себя любительницу природных загадок, которую восхищает каждая полосатая букашка! Признавайся, какого лешего ты саботируешь наши изыскания!

– Я ничего не корчу, – искренне обиделась девушка. – Просто поняла вчера, что мир гораздо шире и разнообразнее, чем принято считать. – И при чём тут саботаж? Мне всего лишь захотелось искупаться...

– Потом захотелось изучить дно, потом – обзавестись разбитой бутылкой, потом – поразмышлять на тему происхождения камней...

– Когда ты так говоришь, всё и правда выглядит немного странным, – недовольно признала Стася.

– Немного странным выглядит то, что тебя ещё не изолировали от общества. – Вольтов поднял её толстовку, с усилием встряхнул и не терпящим возражений тоном приказал: – Вылезай немедленно.

– А то что? – возмутилась девушка.

– Уйду вместе с твоей одеждой. А вернусь с фотоаппаратом и страстными джигитами.

– Где ты тут джигитов найдёшь? – Стася настолько удивилась, что покрутила пальцем у виска и даже приготовилась вылезать.

– Они сами тебя найдут. Вылезай, говорю.

Девушка с сожалением вздохнула, бросила прощальный взгляд через стекляшку и в недоумении замерла.

– На нём что-то нарисовано или написано.

– Надеюсь, это что-то неприличное, – закатил глаза Вольтов. – По-другому ты всё равно не понимаешь.

Стася сосредоточенно свела брови, прищурилась, разглядывая так заинтересовавшую её находку, и, положив бутылку на причал, резко нырнула. Видимость была неважной, зелёная растительность путалась в волосах и неприятно обвивала лицо, а камень почему-то оказался гораздо дальше, чем ей представлялось. Тем не менее, нащупав его скользкую, покрытую каким-то гнилостным налётом поверхность, она уцепилась за крошечный выступ и принялась водить свободной рукой по выбитым углублениям, сливающимся в странные, ни на что не похожие знаки. Девушка даже не могла понять, рисунок это или буквы, однако чувствовала, как зашло в предвкушении сердце, как похолодели пальцы, как начала пульсировать на шее тревожная жилка... Она вся была напряжена, готова к испытаниям и триумфу – такие же ощущения пробирали до костей во время важных соревнований или экзаменов. Стася знала, что сейчас перед ней новая вершина, которую во что бы то ни стало нужно взять, и лихорадочно трепетала в нетерпеливом ожидании.

Пока она боролась с природными условиями, мешавшими как следует рассмотреть нечто очень важное, рядом рухнуло плотное массивное тело, поднявшее множество пузырьков и пустившее заметную волну. Стася не отказала себе в злорадстве, сообразив, что заставила Вольтова охладиться, однако видимость окончательно сошла на нет, и девушка была вынуждена вернуться на поверхность.

– Ты вообще думаешь, что творишь?! – взорвался Иван, бросая в её сторону какую-то корягу. – Люди не могут настолько долго задерживать дыхание, так не бывает!

– Мы вроде ещё не до конца определились с моей видовой принадлежностью...

– Так я сейчас определюсь! – Он зло запустил в неё связку водорослей, потом подплыл и аккуратно развесил травянистое месиво на её тёмных волосах. – Кикимора обыкновенная, одна штука.

– По-научному будет кикиморас вульгарис, – с умным видом заявила Стася и тут же ойкнула. – Латынь!

– Ты в ней не сильна.

– А ты? Ты же почти медик, должен хоть что-то знать.

– После твоего невежливого «почти» я...

– Знаешь или нет?

– Ну допустим, – осторожно подтвердил Вольтов, почему-то не ожидая от этого вопроса ничего хорошего.

– Тогда ныряй.

– А если бы я был необразованным, недалёким...

– Сослагательное наклонение неуместно. Ныряй давай. Мне кажется, там надпись на латыни.

– Хотел бы я знать, каким образом ты под водой отличила латынь от испанского или даже хинди...

Немного повздыхав о своей печальной участи, Иван всё же скрылся в глубине, а когда, отплёвываясь и хватая ртом воздух, снова появился на поверхности, смог только недоумённо развести руками.

– Неужели вообще ничего не понял? – недовольно протянула Стася. – Ну хоть на ощупь...

– На ощупь – это склизкий, покрытый какой-то мерзостью валун, и у меня нет ни малейшего желания повторять попытку.

– Просто признайся, что фигово ныряешь и не смог...

– Просто признайся, что у тебя серьёзные проблемы и избыток свободного времени.

Девушка презрительно скривилась и, красиво вильнув филейной частью, исчезла под водой. Увы, видимость не улучшилась и ближе к поверхности камень не поднялся, поэтому ни в тот раз, ни в последующие ничего нового она не узнала. Когда глаза стало щипать, а голова начала заметно кружиться, Стася была вынуждена смириться с поражением и, стараясь не смотреть на злорадную физиономию Вольтова, выбралась на причал, где, моментально покрывшись мурашками, мелко затряслась.

– Я слышал, смерть от пневмонии довольно мучительна.

– А я слышала, что очень неприятно тонуть, когда до спасения всего пара метров. – Стася от души пнула его в плечо, и почти вылезший из воды Иван рухнул обратно. – Можешь глумиться сколько угодно, но я уверена, что с этим камнем не всё так просто.

– С удовольствием посмотрю, как ты будешь рассказывать свою теорию матери Зинаиды. Только не забудь сначала объяснить, почему мы слегка намокли.

Вольтов всё-таки забрался на причал, с неприкрытой завистью покосился на толстовку, в которую Стася уютно завернулась, и постарался выжать свою одежду. Успехом попытки Ивана не увенчались, зато позволили ему немного согреться и свыкнуться с незавидным положением несостоявшегося утопленника. Конечно, он вовсе не был уверен, что чувствовал бы себя комфортнее, лёжа бездыханным на дне, но, по крайней мере, там нет ветра, а это уже кое-что.

– Пока дойдём, подсохнем, – оптимистично заявила девушка, ещё плотнее заворачиваясь в толстовку. – Хорошо, что хоть у кого-то из нас хватило ума снять штаны до заплыва.

– Тогда этот кто-то и будет общаться с несчастной женщиной, терроризируя её дурацкими вопросами, – обрадовался Вольтов. – Серьёзно, мне, пожалуй, не стоит появляться перед ней в таком виде. Лишний отвлекающий фактор, который к тому же вызовет немало подозрений. Не знаю, о чём ты с ней собираешься беседовать, но...

– Обойдусь без тебя, – безразлично дёрнула плечом Стася, хотя на самом деле так не думала: Вольтов – какой-никакой, но профессионал, его присутствие было бы очень кстати. Она понятия не имела, что можно сказать женщине, лишившейся дочери, не представляла, как с ней разговаривать и о чём спрашивать, а по мере приближения к дому, где, судя по всему, выросла Зинаида, ещё и теряла уверенность в том, что эта встреча вообще нужна. Вряд ли безутешная мать решит поведать незнакомой девице о внуке-психопате или таинственном обитателе гроба, который охраняется странным существом. Вот с чего можно начать такой диалог?..

– Не дрейфь, – буркнул Иван, заметив её душевные терзания. – Главное – наладить контакт, показать, что Зинаида тебе небезразлична и ты полностью на её стороне.

– Что-то во время моего первого и единственного приёма ты вёл себя несколько иначе.

– Потому что наивно предполагал, что у тебя есть мозги и характер... Вон престарелый собачник пса выгуливает, спроси у него, где жила Зинаида.

Стася неуверенно потопталась на месте, но сообразила, что своей нерешительностью только развлекает Вольтова, и направилась к седому мужчине. Выяснить номер квартиры оказалось нетрудно, и вскоре она уже стояла перед обшарпанной, облезлой дверью, возле которой не было звонка. Вернее, прежде он определённо присутствовал, но теперь из стены торчал только одинокий оголённый провод, вполне возможно находившийся под напряжением. Едва до него не дотронувшись, девушка отдернула руку и собиралась по старинке постучать, когда дверь распахнулась, выпуская на лестничную клетку моложавую, элегантно одетую женщину с открытым, располагающим лицом. Обрадовавшись, что потенциальная собеседница готова к диалогу, а не ненавидит с утра всё живое, Стася мило улыбнулась:

– Хорошо, что вы вышли. Я не знала, как позвонить.

– Тест на внимательность.

– Что? – оторопела девушка.

– Наш звонок. Некоторые просто протягивают к нему руку и не смотрят, куда нажимают.

– И что с ними случается? – проявила любопытство Стася, хотя вроде бы и так было понятно.

– Проваливают тест, – уклончиво сообщила женщина. – А вы по какому вопросу?

– Я... Я дружила с Зиной... И хотела бы навестить её маму. Надо было раньше, но я не знала, как вы переживаете эту трагедию, боялась лишний раз потревожить.

С каждым новым словом ложь давалась всё легче, и Стася даже начала получать от неё какое-то странное болезненное удовольствие. Вероятно, примерно такие же ощущения испытывают шпионы и хорошие актёры.

Женщина посмотрела на неё с явным сомнением, немного поколебалась и, заперев дверь на ключ, направилась вниз по лестнице, жестом пригласив Стасю следовать за собой.

– Валерия Ивановна сейчас очень плоха, не стоит её беспокоить, – на ходу сообщила она, мигом перестав казаться такой уж доброжелательной. – Я специально к ней переехала, чтобы быть рядом и ухаживать, но тётя меня почти не узнаёт и не совсем понимает, кто она и где находится. Напоминать ей о том, что произошло с Зинкой, точно не надо, это лишние слёзы и нервогрёпка.

– Так вы двоюродная сестра? Она о вас говорила.

– Представляю себе, – невесело усмехнулась женщина, щёлкая брелоком от машины. Старая ярко-красная иномарка приветливо мигнула, признавая хозяйку. – Я не в обиде, все наши ссоры в прошлом, да и не имеют они теперь никакого смысла...

– А раньше имели? – подобралась Стася. Вряд ли семейные конфликты помогут ей с делом, но надо же выяснить хоть что-то.

– Раньше всё было по-другому, – вздохнула женщина. – Как показала жизнь, я не ошиблась, но что об этом говорить...

– В чём не ошиблись?

– В том, что поспешные решения – это всегда плохо. Особенно если речь идёт о личном.

– А...

– Спасибо, что заглянули. Уверена, Зине было бы приятно.

Она села в машину, и Стасе ничего не оставалось, кроме как направиться к ошивавшемуся неподалёку Ивану. Его синевато-бледный вид и отчётливый перестук зубов немного грели душу, но стремительный провал операции всё равно крайне нервировал.

– Мать Зинаиды не в себе, побеседовать не удалось, – скороговоркой сообщила она, двинувшись к углу дома. – Тут есть короткий путь, срежем, иначе ты на тот свет отъедешь.

– Вот не надо прикрывать свой позор заботой обо мне. Между прочим, когда человек не в себе, из него можно вытянуть очень многое, даже больше, чем в обычных обстоятельствах.

– Тогда следующий выход – твой. Уступлю дорогу профессии... Что это за звук?

Стася ещё недоумённо поворачивалась, а её тело уже изогнулось в прыжке, готовясь уйти от прямого столкновения с приближающейся машиной. Девушка не сразу сообразила, что переместилась на тротуар, и только начала подниматься с корточек, когда взвизгнули тормоза и Вольтова подбросило вверх. Его туловище неуклюже шмякнулось на красный капот, голова безвольно запрокинулась, едва не пробив лобовое стекло.

Поборов первый ужас, Стася нерешительно сделала шаг в направлении машины и замерла, не в силах собраться с мыслями. Двоюродная сестра Зинаиды, видимо, пребывала примерно в таком же состоянии – она застыла, вцепившись в руль обеими руками, и, похоже, даже не думала шевелиться. Ногти её украшал модный блестящий лак тёмно-вишнёвого оттенка, и почему-то Стася сосредоточила всё внимание на нём, а Вольтов оставался вне поля зрения. Общий ступор длился довольно долго и закончился, лишь когда девушка слышала слабый стон. На негнущихся ногах она подошла к машине, боязливо ткнула пальцем в шею Ивана и, убедившись, что он ещё дышит, немного расслабилась.

– Как давно вы за рулём? – буднично поинтересовалась она у родственницы Зинаиды, наконец покинувшей своё укрытие.

Чувствовалось, что женщина подозревает, будто её немедленно начнут бить, и оттого не спешит с положенными в таких случаях причитаниями.

– Недавно, как можно было догадаться, – простонала нерадивая автолюбительница. – Он ведь жив? Пожалуйста, скажи, что жив, я не перенесу...

– Другие как-то справляются, и вы тоже справитесь...

– Я не другие, я...

– Дышите ровнее и глубже, потрите ладони, виски...

– Вольтов...

– Да что мне ваши виски, это...

– Вольтов, мать твою... Да ты просто неубиваем. – Стася недоверчиво уставилась на психолога, который ещё умудрялся утешать злодейку, и на всякий случай помахала рукой у него перед лицом. – Сколько пальцев я показываю?

– Не вижу, но думаю, что только средний. – Иван, постанывая, утвердился в сидячем положении, потряс головой, поморгал и принялся ощупывать себя на предмет несовместимых с жизнью повреждений. – Да прекрати ты меня за шею щипать!

– Не могу, я должна убедиться, что ты – это всё ещё ты.

– Даже интересно...

– В последнее время в моей жизни слишком много аномального, и если ты превратился в зомби или упыря, лучше скажи сразу, чтобы я успела привыкнуть...

– Каким образом попытка меня придушить поможет тебе в этом определиться?! – рявкнул Вольтов, но получилось скорее жалобно, без огонька.

Стася, пожав плечами, отошла, однако сверлить его подозрительным взглядом не перестала.

– Как вы себя чувствуете? – дрожащим голосом спросила виновница торжества, причём было понятно, что её ужас относится не столько к случившемуся, сколько к милой беседе пострадавшего и странноватой девицы.

– Восхитительно! Давно у меня не было такого прекрасного дня! Я даже не знаю, стоит ли ждать его продолжения или лучше сразу в петлю... Вот чёрт, извините.

– Ничего, – отмахнулась женщина. – Давайте я вас в больницу отвезу.

– Ему нельзя в больницу, – очень серьёзно заявила Стася. – Если врачи поймут, что тело давно остыло и сердце не бьётся...

– Видит бог, я очень терпелив, но однажды...

– «Перестану восставать из мёртвых, и вот тогда...»

– Прибыю, – коротко пообещал Вольтов, слезая с капота.

Выглядел он неважно, но видимых повреждений не наблюдалось, а внутренние, если и были, пока не давали о себе знать. Иван, слегка шатаясь, прошёлся по тротуару, размял конечности и оценивающе уставился на вмятину на машине.

– А неслабо так.

– Теперь тебе за ущерб платить. Нет, ну надо же быть таким...

– Сдержанным.

– Не льсти себе, – фыркнула девушка, в глубине души радуясь, что не лишилась помощника, от которого была хоть какая-то, весьма небольшая, но всё-таки польза.

– В больницу, пожалуй, не поеду, – сказал он родственнице Зинаиды. – Я сам медик...

– Недоделанный...

– И могу оценить своё состояние, – с нажимом продолжил Вольтов, послав Стасе очень недобрый взгляд. – Чтоб ты знала, я и в медицинском учился.

– Пару недель? Потому что слово «учился» звучит слишком неопределённо. Как будто кто-то пытается слукавить, при этом оставаясь...

– Если позже вдруг что-то проявится, я вам сообщу, – недовольно перебил он, ненароком подтвердив её предположение.

– Отлично, – обрадовалась женщина. – Вы не стесняйтесь, сделаю всё что нужно. Простите, что так вышло. Я даже не знаю, как это могло произойти. Недавно вожу, а тут ещё погода...

– С погодой-то что не так? – язвительно уточнила девушка.

– Способствует лёгкому помешательству граждан, находящихся в группе риска, – сурово сказал Иван. – Идём уже, хватит из ерунды трагедию делать.

– А о каких гражданах речь? – невинно полюбопытствовала Стася, когда они отошли на приличное расстояние.

– Есть у меня одна кандидатура... Слушай, можешь измываться надо мной сколько влезет, но её-то за что? – Его тон стал неожиданно серьёзным, и девушка непонимающе нахмурилась.

– Что не так?

– Тётка едва коней не двинула, когда на меня наехала, потом очумела от твоих выкрутасов, а ты её ещё добиваешь. Не у всех нервная система вроде твоей, нормальные люди в подобных случаях паникуют и за сердце хватаются, незачем усугублять ситуацию.

– Ой, какие мы заботливые. Ничего, что тебя чуть к праотцам не отправили? И что с моей нервной системой?

– Не знаю, но там явно какая-то патология. И забота тут ни при чём, обычное человеческое отношение.

– Ага, – недоверчиво согласилась Стася и надолго задумалась.

В принципе, учитывая его профессию, нет ничего особенного в том, что он проявляет участие к тем, кому плохо, но всё-таки это чересчур благородно, мог хотя бы побрюзжать для приличия. Либо Вольтов – ангел во плоти, либо тут что-то ещё. И само ДТП какое-то очень сомнительное: машина не успела бы набрать скорость, да и умудриться сбить человека совсем рядом с собственным подъездом... Родственница Зинаиды должна была сильно постараться, чтобы это устроить. Такое ощущение, что она усердно давила на педаль газа и целенаправленно ехала на людей. Но нет, затормозить она всё-таки пыталась – значит, это не специально. Да и с чего бы ей зверствовать? Если только...

– Вы, часом, не знакомы?

– Пересекались, – нехотя буркнул Иван после некоторых сомнений. – Всего пару раз: она сопровождала Зинаиду, когда та приходила в центр. Виделись мельком, по-моему, она меня даже не узнала.

– Или наоборот.

– Точно. И поэтому решила угробить тебя.

– Я-то при чём? – удивилась девушка.

– При том, что тачка ехала на тебя, – совсем кисло произнёс Вольтов. Чувствовалось, что он вообще не собирался об этом говорить и теперь здорово жалеет о своей несдержанности. – Ерунда это всё, даже не заморачивайся.

– Как на меня? – по слогам уточнила Стася, ощущая внутри неприятный холодок. – Тебя подбросило так, что...

– Потому что я хотел закрыть тебя собой. Но ты и сама отлично справилась, а я пострадал за идею.

Девушка замедлила шаг и попыталась воскресить в памяти произошедшее. Выходило, что спортивная подготовка в кои-то веки оказалась кстати, сохранив ей если не жизнь, то как минимум здоровье. В принципе, случайность по-прежнему никто не отменяет, однако ситуация становится всё более подозрительной. И поступок Вольтова прозрачности ей не добавляет.

– Ты что, правда прикрыл меня своим телом? – с сомнением протянула она, не желая в это верить.

Получалось, что её язвительность была проявлением редкой невежливости, а родители такого не потерпели бы. И что теперь делать? В ноги ему броситься?

– Нет, просто решил сдохнуть под колёсами.

– А, ну тогда всё сходится...

– Вот и чудно.

Стасе показалось, что Вольтов вовсе не жаждет её слёзной благодарности, и она с облегчением выдохнула. Лучше поскорее замять эту тему, ни к чему делать из придурка героя, а из себя – жертву. Последнее соображение почему-то зацепило, и девушка всерьёз задумалась.

Жертвой она была довольно долго, причём соглашалась на эту роль абсолютно добровольно – когда позволяла родителям вертеть собой как угодно, когда подчинялась тренерам, даже если считала, что они ошибаются, когда зависела от брата, вернее от его незримого призрака... И вот теперь что-то новенькое – её действительно пытались убить. Мысль об этом настолько ошеломляла, что с ней никак не получалось смириться и мозг отчаянно искал какое-то другое объяснение, но в глубине души Стася знала, что права. Да, сестра Зинаиды могла оказаться самым паршивым водителем на планете. Да, в автомобилях бывают неполадки. Да, иногда и незаряженное ружьё стреляет... Но всё это полнейшая чушь, потому что сегодня смерть пронеслась в каком-то шаге и, если бы не удачное стечение обстоятельств, ампула жертвы закрепилось бы уже навсегда.

– Что я ей сделала? – задумчиво пробормотала девушка себе под нос.

– Придушить не пыталась? А то я периодически страдаю от этой напасти...

– Идиот.

– Зато смел и решителен. – Вольтов посмотрел на неё с сочувствием, которое показалось очень неприятным, и вполне серьёзно попросил: – Не накручивай себя, это обычная случайность.

– Сам-то веришь?

– Нет.

– Тогда зачем пытаешься ввести меня в заблуждение?

– Затем, что паника на корабле нам сейчас ни к чему. Но, похоже, её и не будет?

– Похоже, – безрадостно буркнула Стася. – Я не паникую в сложных ситуациях. Наоборот, чувства притупляются.

– Отличная особенность. Только домовой опроверг бы твои слова. Ты бежала, как...

– Вот сходи к нему и пожалуйся на моё лицемерие. Хоть все кости перемойте.

– Похвальное благородство... – Он присел на низенький заборчик, отделявший от тротуара маленький цветастый садик под чьим-то окном, и, встряхнув головой, очень сосредоточенно на неё посмотрел. – Что ты успела ей сказать?

– Тебе точно не надо в больницу?

– Обойдусь.

– Это очень хорошо, я полностью поддерживаю твоё самоубийственное решение.

– Вроде мне уже пора привыкнуть, но всё же спрошу: чем не угодил?

– Ничего личного, просто, если ты откинешься, леди Шумахер сядет, а я буду в безопасности. По-моему, блестящая комбинация...

– И ещё одна причина меня добить, – загрустил Иван. – Так что ты там отчебучила?

– Ничего. Сказала, что Зина была моей подругой и что я хотела бы навестить её маму. В квартиру меня не пустили и горюющую родительницу не продемонстрировали.

– А ты и не слишком рвалась.

– Чего рваться, если после суицида твоей пациентки её мать из ума выжила? Вполне обычная и предсказуемая реакция, меня ничто не насторожило. Кстати, наша талантливая автолюбительница упомянула, что нередко ссорилась с Зинаидой по поводу чего-то личного. Нет, не так: из-за поспешности в личном.

– В каком смысле?

– Честно говоря, я подумала, что речь о не самом счастливом браке Зины и о том, что сестра её предупреждала. Но может быть и что-то другое, она не вдавалась в подробности.

– А сказала о ссорах охотно или невзначай?

– Так говорят, когда наболело и очень нужно с кем-нибудь поделиться, а потом спохватываются – мол, что это я постороннему человеку семейные тайны выкладываю.

– Интересно...

– На мой непрофессиональный взгляд, гораздо интереснее – что может довести относительно вменяемую женщину до такой откровенной агрессии и полной потери контроля.

– Насчёт контроля – не факт.

– Но ведь она должна была понимать, что в случае печального для меня финала окажется за решёткой...

– Вот именно. Если она предпочла тюрьму... Ты можешь сделать то, что для неё намного хуже.

– Например? – невероятно заинтересовалась Стася, на секунду даже перестав бояться.

– А я откуда знаю? Думай, вспоминай, строй самые немыслимые теории, что-нибудь да всплывёт... Чёрт, не стоило говорить о плавании...

Девушка окинула взглядом его синеватое лицо и внезапно ощутила укол совести. Чувство было непривычным, а потому нервировало и заставляло проявить хоть какое-то человеколюбие. Наступив на горло пакостной стороне своего характера, Стася неуверенно кашлянула и негромко сказала:

– Так и быть, даю тебе выходной. Отлежись, оклемайся, посети настоящего врача...

В общем, постарайся вернуться в нормальное человеческое состояние.

– Что я слышу...

– А что тебя удивляет? По-твоему, я какой-то монстр и не могу элементарно посочувствовать?

– Ну, если ты настаиваешь на ответе...

– Настаиваю.

– Тогда я приятно поражён и с трудом, но верю...

– Напрасно. Просто ты отлично исполнил роль щита, а сломанный щит бесполезен.

– Слава богу, я уж испугался, что и тебя задело...

Вольтов, махнув на прощание рукой, похромал к стоянке такси, а Стася, боязливо оглядевшись и не заметив поблизости явных угроз, зашла в торговый центр, где полтора часа бродила по магазинам, пристально всматриваясь в лица редких покупателей и яркие витрины, зеркальные стёкла которых служили неплохим подспорьем для обнаружения слежки.

Обычно Натали обреталась в крошечном сквере недалеко от дома. Зная о привычке подруги прогуливать работу в окружении зелени, цветов и разговорчивых бабулек, с удовольствием высказывавших пожелания в адрес будущего мэра, коим намеревалась стать её родительница, Стася купила две порции мороженого и, немного побродив между лавочек, заметила искомую фигуру в компании пенсионерок. Вырвать Натали из лап любителей пожаловаться на жизнь оказалось не так-то просто, но предложенное угощение сыграло свою роль, и вскоре девушки стояли на берегу маленького прудика, куда время от времени заживала единственная утка, прозванная местными Серой Шейкой, хотя на самом деле птица могла похвастаться более ярким оперением.

– Я так понимаю, за еду нужно платить? – прозорливо осведомилась подруга, прикончив мороженое.

– Само собой.

– Натурой не возьмёшь?

– Это не ко мне. Ты же наверняка можешь разжиться информацией о некоторых обитателях нашего славного города?

– Смотря о ком речь, – поднапряглась Натали. – Имей в виду, мне доступны далеко не все вершины.

– Обойдусь и без вершин. Хочу знать всё о матери пацана-маньячонка, а также – о её ближайших родственниках. И о самом Чернове тоже не помешает...

– Про Чернова забудь. Если я начну о нём спрашивать, мать меня точно четвертует.

– Не выдумывай. Ты её единственная наследница. Кто ещё стакан воды в старости...

– Она четвертует исключительно из родительских чувств – чтобы этого не сделал Чернов.

– И тут конкуренция, – запечалилась Стася. – Ладно, тогда Чернова не трогаем, только его жену, тещу и далее по списку. И про Вольтова разужнай подробности.

– Какие? – удивилась Натали. – Основную информацию я тебе уже сообщила, а больше и нет ничего.

– Да я даже не знаю, что именно мне нужно. Наверное, что-то личное или семейное, чтобы я лучше его понимала и представляла, чего от него ждать. В общем, что нароешь...

– А могу ли я спросить...

– Нет.

– И всё-таки...

– Я не в состоянии это объяснить. Просто не в состоянии. Кстати, ты ничего не слышала о таинственных огромных камнях с непонятными надписями или чрезмерной активности домовых в нашем регионе?

– Стась...

– Видимо, нет. А жаль, хотелось бы с кем-нибудь проконсультироваться. И не смотри на меня с таким ужасом. Говорю же, это трудно объяснить.

– И, пожалуй, не нужно, – очумело пробормотала Натали. – Вот правда, это тот редкий случай, когда я не хочу ничего знать. Но с консультацией по поводу домовых могу помочь. Есть у меня одна... До сих пор не понимаю, как её называть. Наверное, экстрасенс или вроде того... В общем, она шарит в таких делах.

– Экстрасенс? – Стася издевательски изогнула брови. – А маменька в курсе твоих увлечений?

– Маменька сама к ней ходит, всё старается деньги в семью приманить, – недовольно буркнула подруга.

– И как успехи?

– Ты видела её машину? Новую, которую она купила в прошлом месяце.

Стася воскресила в памяти образ запредельной стоимости внедорожника и слегка усомнилась в известном ей устройстве мира.

– Экстрасенс наколдовала вам шесть миллионов, чтобы...

– Девять.

– Девять, – эхом повторила девушка, с трудом поборов в себе порыв немедленно обратиться за помощью к столь одарённой и доброй женщине. – А сама она на какой машине ездит?

– Не знаю, – фыркнула Натали. – Ты не думай, я всё понимаю, и крыша ещё не уехала окончательно. Но в этой мадам Жозефине действительно что-то есть. И я, разумеется, не настаиваю. Если проблема с домовыми и таинственными камнями не стоит так уж остро...

– Давай адрес, – вздохнула Стася.

* * *

Магический салон располагался совсем рядом с центральной площадью, и аренда наверняка влетала экстрасенсу в приличную копеечку. Либо она и правда обладает исключительным даром, либо умеет убеждать в этом клиентов, что, впрочем, тоже можно отнести к полезным талантам. Особенно если среди посетителей затесалась мать Натали, имеющая склонность к дорогим автомобилям и приличные шансы занять когда-нибудь удобное кресло мэра.

Поднявшись по монументальным матово-чёрным ступеням, Стася потянула на себя позолоченную дверную ручку в виде головы какого-то мифического животного и оказалась в просторном холле, где царил приятный полумрак и таинственно мерцали зажжённые свечи. Просто удивительно, что образованная и практичная реалистка Натали могла купиться на такую откровенную театральщину.

Отбросив последние сомнения, девушка развернулась, чтобы уйти, и нос к носу столкнулась с молоденькой блондинкой, очевидно выполнявшей функции секретарши.

– Что вы ищете? – не совсем традиционно начала беседу она, невзначай перекрывая путь к двери.

– Говорящие коты имеются?

– Ждём отгрузку в течение двух недель.

Стася фыркнула, отдавая должное находчивости девчонки, и не удержалась от следующего вопроса:

– Разве вы не знаете, что я ищу?

– Я знаю, за чем вы пришли. Но ищете совершенно другое, и тут я вам не помогу.

– Мадам Жозефина? – наконец догадалась Стася, с изумлением рассматривая собеседницу.

Было ей едва ли больше двадцати, светлые наивные глаза никак не сочетались с мрачноватой деятельностью, а простые чёрные джинсы и синяя футболка и вовсе свидетельствовали о прискорбной профнепригодности. По крайней мере, так должны были думать посетители, жаждущие зрелищ и чудес.

– Серьёзно? А можно узнать, чем вы руководствовались, выбирая псевдоним? Просто он настолько...

– Это настоящее имя, – безразлично сообщила колдунья. – Родители так назвали, могу паспорт показать.

– Да я верю...

– Конечно верите, я же тут не одна такая.

Станислава почувствовала, как вдоль позвоночника пробежал неприятный холодок, но сразу успокоилась: скорее всего, Натали предупредила хозяйку салона о её визите, а может, спортивная слава оказалась несколько громче, чем ей представлялось.

– Ну и за чем я пришла? – скептически поинтересовалась девушка, однако тут же себя перебила: – Впрочем, не напрягайтесь, и так ясно, что вам уже сообщили.

– Я ведь сказала: то, за чем вы пришли, не имеет значения. Вы давно и безуспешно ищите потерянную часть себя, половину души, которую у вас отобрали.

– И как, найду? – ядовито уточнила Стася.

– Если хватит сил.

– А если не хватит?

– На дне всегда спокойно, – равнодушно заявила Жозефина и, взмахнув каким-то чёрным занавесом, ниспадающим с потолка, благополучно за ним исчезла.

– Да что за чёрт? – вполголоса возмутилась девушка. – Неужели даже денег не потребует?

– Я не беру плату за то, в чём не могу помочь, – глухо донеслось откуда-то слева.

– А за котом когда приходиться? – ехидно напомнила Стася и, не дождавшись ответа, вышла на улицу.

После прохладного полумрака магического салона солнечный свет показался особенно ярким, а центр города – особенно шумным и оживлённым. Было ощущение, будто она покинула древний склеп, где провела в заточении многие годы, и снова вернулась к людям, которые успели забыть о её существовании. Ошалело поморгав, Стася спустилась по ступеням и, постояв на твёрдом тротуаре, с облегчением выдохнула: наваждение спало, перед ней лежал привычный человеческий мир.

– Кое-кто до безобразия предсказуем.

– Мы вроде бы договорились, что сегодня ты зализываешь раны и не раздражаешь мою нервную систему. – Она окинула недовольным взглядом живого, но сильно побитого судьбиной Вольтова, на физиономии которого восхитительным сине-розовым цветом переливались аж два крупных фингала. – Ещё кого-нибудь довёл до полного отказа от христианских заповедей?

– Приятно, что в твоём голосе даже удивления нет. – Он приложил к скуле запотевшую от холода банку газировки, которую, очевидно, только что купил, и несколько заторможенно просветил: – У меня лёгкое сотрясение после встречи с автоледи.

– Вряд ли в твоей голове многое изменилось. И я не услышала, откуда взялись синяки.

– Так оттуда же. С детства сосуды слабые, а тут удар, от которого любой другой никогда не поднялся бы...

– Угу, сам себя не похвалишь, никто не додумается... Ты почему не в больнице?

– Потому что решил, что могу и дома отлежаться. Ерунда какая, череп проломили...

– Видимо, не до конца...

– А пока лежал, мне на глаза попала газета – из тех, что бесплатно в почтовые ящики суют...

– Тягу к чтению одобряю. Жаль, что...

– И на последней странице было объявление о магических услугах... Знаешь, о ком я сразу подумал?

– О Бастинде?

– Об одной приятельнице домового. Что за Бастинда?

– Вот всё-таки надо тебе больше читать... Странно, раньше ты не был таким зелёным...

– Раньше я не общался с тобой.

Вольтов тяжело опустился на каменную скамейку и, приоткрыв рот, начал глубоко дышать. Выглядел он совсем плачевно, но слова о лёгком сотрясении внушали некоторый оптимизм. Очевидно, Иван всё же посетил врача, а раз его даже не отправили в больницу, беспокоиться не о чем.

– С чего ты взял, что я пойду к экстрасенсу?

– Не поверишь, у меня и сомнений не было, – язвительно протянул Вольтов, сделав перерыв в своих страданиях. – Что тебе там посоветовали? Приобрести амулет от насморка или соорудить куклу вуду с лицом неприятеля? Чёрт, только не говори...

– Я не стала бы лепить из воска куклу с твоим лицом. Не стала бы втыкать в неё булавки. Не стала бы заказывать в церкви панихиду по ещё живому. И уж точно никогда не пошла бы на кладбище с твоей фотографией и кровью чёрного индюка. Поверил?

– Так себе, особенно учитывая твои удивительные познания в столь редкой области. Но для начала наших дружеских отношений, пожалуй, сойдёт. – Он издал слабый стон, которого, похоже, сам испугался, и мученически уставился на неё мутными полуприкрытыми глазами. – Узнала что-нибудь о домовом?

– Ага, меня прямо подробно проинформировали. Давай вызову тебе такси, негоже валяться бесчувственным телом посреди людного города.

– Лучше банку открой.

Стася покладисто взяла из его руки ёмкость с газировкой, проделала элементарные манипуляции и безрадостно наблюдала за тем, как Вольтов пытается донести напиток до рта.

– Слушай, не стоит оно того, – серьёзно сказала она, сама себе удивляясь. – Чернов никуда не денется, достанем. Но от тебя в таком состоянии всё равно никакой пользы, так что...

Воодушевляющий монолог был прерван звонком мобильного, и Стася отошла в сторону, чтобы поговорить с Натали. Когда она вернулась, Вольтов выглядел немного приличнее, но по-прежнему иногда покачивался и явно подумывал свалиться в обморок. Окинув его укоризненным взглядом, девушка направилась в ближайшую аптеку, где обзавелась пакетом со льдом и какими-то таблетками, по словам фармацевта очень помогающими в подобных случаях. Ставить эксперименты на себе она, конечно, не решилась бы, однако Иван будто родился для развития отечественной науки, и, запихнув в него половину упаковки, Стася с интересом ждала перемен.

К сожалению, перемены (по крайней мере, позитивные) задерживались на неопределённый срок, а сидеть молча было скучно, поэтому девушка начала нехотя делиться информацией, полученной у Натали – не столько чтобы услышать его умозаключения, сколько в надежде разобраться самой.

– У Зинаиды было сложное детство: отец умер очень рано, жили вчетвером – она, мать, тётка и двоюродная сестра, с которой ты имел счастье познакомиться. Тётка какая-то неблагополучная: не то наркоманка, не то просто с придурью. В общем, они с ней намучились, а потом, когда проблемная родственница наконец отчалила в мир иной, начались проблемы с её дочерью: несколько подростковых беременностей, аборт, как следствие – разные болячки, не лучшим образом влияющие на её характер. Зинаида удачно вышла замуж, и это благотворно отразилось на её сестре, которая тоже решила взяться за ум, но, похоже, там была какая-то зависть...

– Естественно, была. Если у одной дом полная чаша, богатый муж и ребёнок, а у другой всё гораздо печальнее, да ещё и репутация подмочена... Странно, что до откровенной грызни не дошло. Или дошло?

– Судя по всему, нет. Они общались, периодически встречались, созванивались, сестра Зинаиды часто нянчилась с племянником, когда тот был мелким. Обычные, нормальные отношения, как в миллионах других семей. А то, что одна оказалась удачливее и порой вызывала на свою голову сестринский негатив – в порядке вещей, здоровая конкуренция.

– Тогда что тебя смущает?

– Зинаида с детства привыкла выживать. Когда было туго с деньгами, когда семью тиранила неблагополучная тётка, когда сестрица пустилась во все тяжкие...

– Она закалена жизнью так, что многим не снилось, – негромко резюмировал Вольтов.

– И возникает вопрос: с чего бы сильной, прошедшей через огонь и воду женщине лезть в петлю? – кивнула Стася. – Либо ты прав – и ей помогли, либо дело в сыночке.

– А сын при чём?

– Просто дети – единственное, что делает нас по-настоящему уязвимыми. Всё остальное можно пережить, но когда понимаешь, что вырастила монстра и пути назад уже нет...

– Тебе-то откуда знать? – спросил Иван, глядя на неё чересчур внимательно. В другое время его плавающий, нетвёрдый взгляд стал бы причиной едких насмешек, но Стася помнила, из-за чего он получил травму, и решила проявить милосердие.

– Видела, что происходит с моей матерью. Поверь, это действительно крайне тяжело. Вполне возможно, самая страшная из человеческих трагедий.

– Не понял, твоя мать вырастила монстра? Я не то чтобы очень протестую, но на реальное чудовище ты всё же не тянешь. Так, мелкое недоразумение с поганым характером.

Стася с ненавистью скрипнула зубами, однако вовремя призвала на помощь терпение, и грандиозной бури удалось избежать.

– С чего ты взял, что у моей матери нет других детей? – процедила она, украдкой сжимая пальцы в кулак. – Я ведь говорила...

– С того, что для этого мира и тебя одной многовато. И да, я вспомнил о твоём таинственном брате. Что с ним стряслось?

– Умер ещё до моего рождения.

– Дай угадаю: его звали Станиславом?

– В яблочко.

– Твои родители сильно неправы, – тихо сказал Вольтов.

– Вот спасибо.

– Я серьёзно, нельзя так. От чего он умер?

– От дурости и тяги к приключениям, – отрезала Стася. – Поднимайся, нам надо идти.

– Куда-то опаздываем?

– В светлое будущее. Поднимайся, говорю.

Постанывая и что-то бурча себе под нос, Иван последовал приказу, после чего устало опустил обратно и виновато потупил взгляд.

– Пожалуй, здесь посижу. Тем более что светлое будущее – это слишком скучно. Вот если бы...

– Машина есть? – перебила девушка.

– За углом.

– Ты что, в таком состоянии за руль садился? – по-настоящему ужаснулась она.

– Ехал спасать тебя от злой колдуньи.

– Ключи давай, – покачала головой Стася. – И жди меня здесь, не вздумай куда-нибудь... отползти.

– Постараюсь, – искренне пообещал Вольтов, и ему было сложно не поверить.

* * *

– Что мы тут делаем? – в очередной раз заныл Иван, вызывая стойкое желание заткнуть его любыми подручными средствами. Стася даже с надеждой порылась в бардачке, но нашла только карту местности и старый дезодорант, использование которого могло привести к безрадостным последствиям для обоих.

– Я предлагала забросить тебя домой?

– Кажется, да.

– А в больницу?

– Вроде бы тоже.

- Так ответь мне, о наказание свыше, какого лешего...
- Домового.
- Нет, один из нас точно до утра не доживёт.

Стася вышла из машины и принялась нервно нарезать круги, вдыхая свежий вечерний воздух. Прогулка помогла, но возвращаться к недобитому психологу не хотелось, и, забравшись с ногами на капот, девушка начала разглядывать окна печально знакомой многоэтажки. В одних ярко горел свет, другие мерцали синеватым блеском включённых мониторов, третьи тонули в темноте, лишь изредка подмигивая зажжённой сигаретой заядлого курильщика или тусклым ночником в детской.

Впервые Стася задумалась о том, что в каждой из этих квартир могут скрываться действительно ужасные тайны, такие, которые легко оставят позади секреты и семейства Черновых, и её собственного. Конечно, скорее всего, здесь живут самые обычные люди, с нормальными, почти ничего не значащими проблемами и тревогами, с адекватными родственниками, простыми мечтами и безо всяких там домовых. Но что делать, если появился на свет в несколько иной семье и, вопреки своему желанию, вынужден следовать её законам и правилам? Что делать, если кровь отравлена неизвестным науке ядом и очистить её уже не получится? Что, если вся жизнь подчинена какой-то глупой, нелепой ошибке старшего брата и стремительно летит под откос, подгоняемая любящими родителями, сомнительными знакомствами и совсем уж странными обстоятельствами? Неужели изначально для неё существовал только один путь и не будет ни малейшей возможности с него свернуть?

– Думаешь о вечном? – Вольтов тоже покинул машину и, прислонившись к дверце, задрал голову вверх. – Звёзды сегодня яркие. Наверное, к хорошей погоде.

– Сегодня нет никаких звёзд, – злоредно буркнула Стася. – Говорила тебе, ни к чему эти таблетки.

– Сама же мне их подсунула, – отрешённо напомнил Иван, зачарованно разглядывая небо.

- И жизнь тебя ничему не учит?
- Боюсь, учит только смерть, да и то – не самогó покойного, а тех, кто его знал.
- Что-то тебя на философию потянуло, не к добру это.
- И то верно...

Они надолго замолчали, размышляя о превратностях бытия. А когда стало заметно холодать, Стасю вдруг осенило:

- Почему мы не обратились в полицию?
- Хочешь накатать клязу на домового?

– На сестру Зинаиды. Она тебя чуть не угробила, вполне достойный повод заявить куда следует.

– А кто докажет, что это было преднамеренно?

– А кто докажет обратное? И потом, по следам, оставленным её машиной, специалисты наверняка смогут понять, чего она добивалась.

– Вот только займёт это чёрт знает сколько времени, а у нас его нет.

– И куда оно делось, позволь спросить... Нет, не объясняй, я сама догадалась. – Стася зябко поёжилась и с беспокойством уставилась на Вольтова. Правда, сразу же отвернулась, не желая показывать свои эмоции. – Если у неё может хватить наглости повторить попытку, то тем более надо заявить. Под пристальным вниманием полиции укокошить кого-нибудь нужного обществу гораздо сложнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.